ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 72 (2455) Среда, 8 сентября 1948 г. Цена 40 коп.

Урожай 1948 года

В стране самого крупного в мире — социалистического — земледелия созрели обильные хлеба, идет великая жатва. Края и области рапортуют товарищу Сталину о выполнении государственного плана хлебозаготовок. Миллионы трудолюбивых рук — косарей и комбайнеров, машинистов, трактористов, весовщиков, шоферов и возчиков зерна — по всей стране уже запустили на полный ход тот невиданный в мире конвейер, по которому поток золотистого зерна движется с полей на сотни тысяч молотилок и с молотилок — на элеваторы.

На-днях многомиллионная колхозная Украина с радостью доложила товарищу Сталину о превосходной трудовой победе: о досрочном — на месяц и семь дней раньше обычного! — выполнении государственного плана хлебопоставок. В самые ранние дни осени, 3 сентября, партийные и непартийные большевики, люди социалистического земледелия Украины уже сдали государству хлеба на 115 миллионов пудов больше, чем в 1947 году, и на 33 миллиона пудов больше, чем в довоенном 1940 году.

Могущество Родины и обилие продовольствия — вот что такое наш социалистический урожай! Днем и ночью в нарастающем темпе всенародного соревнования идет «разгрузка» полей. Днем и ночью, в свете фар, озаряющих полевые дороги, движутся хлебные эшелоны. Как не похожа механизированная, гудящая моторами жатва в наших колхозах и совхозах на вековечную крестьянскую страду — страду одинокой семьи — в единоличном хозяйстве старой помещичье-капиталистической России.

В декабре 1927 года, выступая на активе ленинградской организации ВКП(б), Сергей Миронович Киров говорил:

«Если 23—24 миллиона крестьянских хозяйств останутся в таком распыленном, разбросанном виде, как сейчас, то нужно прямо сказать, что мы никакого социализма не построим. В самом деле, какую картину мы видим в деревне? Несколько миллионов крестьянских хозяйств не окупают полностью стоимости плуга, некоторые группы хозяйств не окупают лошади, огромное количество не окупает ни жнейки, ни косилки — самых элементарных орудий сельского хозяйства».

Веками жила на нашей земле крестьянская беда, и одинокий хлебороб ждал помощи только с неба, и несчастный Моргунок из поэмы Твардовского мечтал о сказочной стране Муравии:

Земля в длину и в ширину
Кругом своя.
Посеешь бубочку одну,
И та — твоя.

А между тем, из этой-то «бубочки», из частнособственнической мечты мелкого крестьянского хозяйства и вырастал непрерывно тот внутренний капитализм, час решительной схватки с которым и назначил с гениальной прозорливостью товарищ Сталин.

В тяжелых испытаниях классовой борьбы рождался колхозный строй. Рабочий класс из городов поддержал правое дело: тысячи лучших сынов партии и рабочего класса пришли в село на помощь колхозам, возбудили на полях дух боевого соревнования, заложили основы социалистической дисциплины, увлекли молодежь к изучению новых сельскохозяйственных профессий.

Образ путиловского слесаря Давыдова, воспетый Михаилом Шолоховым в «Поднятой целине», образ большевика-организатора хорошо знаком миллионам колхозников, — нет такой артели, такого села, где бы не вспоминали с благодарностью своих большевиков-рабочих, пришедших к ним на помощь в трудные годы становления новой жизни.

Партия послала на село тысячи городских коммунистов. Партия — в лице своих местных, районных организаций — обеспечила свою глубокую и все возрастающую связь с колхозными массами, повела их по пути ускоренного развития сельского хозяйства. Партия воспитала и подняла из народных толщ уже несчетное количество колхозных вожаков, руководителей, передовых и знатных людей социалистического земледелия.

То, что происходит на советской многохлебной земле, с каждым годом имеет все меньшее отношение к капризам и прихотям неба: народ вырабатывает урожай своими руками. Сегодня на колхозных токах, на воротах МТС, на околицах сел, над кабинами тысяч грузовиков написаны мичуринские слова: «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее—наша задача».

Эту задачу народ научился выполнять успешно, чаще и внимательнее заглядывая в Колхозный устав, в книгу науки, в постановления партии и правительства, изучая решения исторического февральского Пленума ЦК ВКП(б).

Наметив план крутого и решительного под'ема сельского хозяйства, партия большевиков мобилизовала промышленность: десятки тысяч тракторов, комбайнов и других машин пришли на колхозные и совхозные поля; мобилизовала науку: необыкновенно выросла в эти полтора года культура колхозно-совхозного земледелия; мобилизовала и вдохновила многомиллионную колхозную массу. Уже и не счесть, сколько сельских людей заслужило всенародную славу. Народ узнал об их выдающихся трудовых подвигах. Достигнув многого в эти полтора года после февральского Пленума ЦК ВКП(б), советский народ ясно видит, какие светлые дали открываются впереди, когда становится реально зримой мечта о том, чтобы урожай в 30 центнеров с гектара был обычным для каждого поля и во всякий год.

Но, ясно видя впереди широкие и светлые времена, наш народ не довольствуется достигнутым сегодня. Много еще отсталых колхозов, немало целых районов, которые не поспевают за передовиками и уже позорно привыкли к своему незавидному положению. И об этих отстающих участках, тянущих книзу всенародные показатели сельскохозяйственных успехов, не может сегодня не думать каждый руководитель, подлинно государственный деятель, партийный человек. Об этом и напоминает сегодня на страницах нашей газеты Галина Николаева в очерке «Временщики» на посту председателя колхоза». В Роговском колхозе, о котором рассказывает Галина Николаева, еще впереди огромная работа — надо укрепить трудовую дисциплину **всех** колхозников, надо **всех** колхозников сплотить вокруг настоящего руководителя (надо его найти поскорее!), надо поскорее разгромить лодырей и разгильдяев, разжечь социалистическое соревнование и настойчиво и последовательно — из года в год — повести колхоз по пути под'ема агротехнической культуры к устойчивым высоким урожаям.

Тысячи и миллионы передовиков социалистического земледелия во всех краях и областях Российской Федерации, во всех республиках Советского Союза показывают пример славного труда! Вовлеченные в колхозное движение, миллионы хлеборобов страны — сибиряки, донцы и кубанцы, узбеки и белоруссы, казахи и грузины — сдружились с самой передовой в мире сельскохозяйственной техникой и самой революционной в мире — мичуринской — сельскохозяйственной наукой и стали не те, что были когда-то.

Дети Моргунка сегодня на колхозных полях по всем правилам передовой агротехники внедряют травопольную систему, подымают зябь, сокращают сроки сева, работают плугом с предплужником, пашут глубокую борозду, сеют полноценным зерном. Дети Моргунка сегодня — сами агрономы, люди науки! Не было этого никогда в мире—и вот стало явью в нашем социалистическом Отечестве.

В этом году символически совпали по времени два как будто бы раздельных, а на самом деле тесно связанных между собой события: жатва большого урожая и торжество мичуринской науки на сессии Всесоюзной сельскохозяйственной академии имени В. И. Ленина.

Народ — за Мичурина!

Так озаглавлена публикуемая нами сегодня статья Г. Фиша. Радостно читать строки писем с приветом, поздравлениями и благодарностью, которые в эти дни изо всех краев страны получает штаб мичуринской науки — Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. Воочию зримо становится, что народ, создающий своими руками высокий социалистический урожай, оценил усилия партии и лично товарища Сталина, направленные на поддержку передовой науки. Народ и наука в нашей стране неразделимы!

Ширится и растет с каждым годом всенародное содружество теории и практики, содружество ученых и колхозников, содружество науки и труда, возглавленное партией Ленина—Сталина ради счастья народа и изобилья жизни, ради славы и мощи социалистической державы.

Школьное приборостроение

Предприятиями Министерства просвещения РСФСР к началу учебного года выпущено на 84 млн. руб. школьных приборов. Многие школы пополнили свои учебные кабинеты новым оборудованием.

В Главном управлении учебно-технической промышленности министерства собраны образцы продукции, выпускаемой для учебных заведений. Наиболее богато представлено оборудование для физических кабинетов.

Интересен школьный осциллограф, применяемый при изучении явлений, происходящих в электрических цепях, в городской электросети, радиоустановках и других электрических устройствах. При помощи прибора эти явления демонстрируются на экране, на котором световой зайчик записывает их в виде кривой.

Наборы пособий по магнетизму и электромагнетизму позволяют выполнять множество школьных экспериментов. Так, из деталей набора по электромагнетизму можно во время урока собрать действующие модели электрического звонка, телеграфного аппарата, реле и т. д. Выпущены действующие модели паровой машины и турбины, модели различных электрических машин и электроизмерительных приборов.

Хорошо сделаны маленькие электропечи, развивающие температуру до 1000—1200 градусов, насосы, гидравлические прессы, манометры, полиспасты.

Разнообразны и многочисленны оптические приборы. Среди них — стереоскоп оригинальной конструкции с многочисленными сериями стереоскопических диапозитивов по истории, географии, зоологии и другим предметам. Земные и звездные глобусы различны по величине и назначению. Один из глобусов имеет черную матовую поверхность: он предназначен для практических занятий по географии и астрономии, подобно знакомой с детства «немой» карте.

Ценным пособием является усовершенствованный эпидиоскоп для демонстрации на экране непрозрачных текстов и рисунков, например, книжных страниц, рукописей, иллюстраций. Он позволяет демонстрировать и обыкновенные прозрачные диапозитивы.

Промышленность осваивает и ряд других новых учебных наглядных пособий. Среди них — школьный планетарий, позволяющий демонстрировать в классе, на подвешенном к потолку сферическом экране изображение неба с 3,5 тыс. звезд. Опытный образец изготовлен. Производство планетариев начнется в этом году.

Выпускается много пособий по биологии, в частности, муляжи мичуринских плодов и овощей, гербарии и различные коллекции.

Некоторые из вновь осваиваемых пособий не имеют формальной связи с программами школ, но они призваны ознакомить учащихся с современными достижениями науки и техники, в частности с работами лауреатов Сталинских премий. Такова, например, электронная трубка с электромагнитной линзой. Она дает представление о принципе действия электронного микроскопа.

К концу года будет выпущено учебных приборов и наглядных пособий еще на 36 миллионов рублей. В будущем году намечено увеличить номенклатуру пособий с 273 до 322 названий. Сейчас в системе Главного управления учебно-технической промышленности Министерства просвещения РСФСР действуют девять предприятий. Строятся еще три завода учебных пособий — в Кирове, Мытищах и Загорске.

Геннадий ФИШ

Народ—за Мичурина!

С трибуны сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина звучали страстные речи мичуринцев-ученых, мичуринцев-практиков, обсуждавших доклад академика Т. Д. Лысенко. В те дни казалось, будто раздвинулись стены зала, и весь народ не только незримо присутствует при спорах биологов-материалистов с идеалистами, но совершенно точно и определенно высказывается за ту науку, которая ведет к изобилию, которая помогает улучшать жизнь. Не случайно у многих советских людей в эти дни было приподнятое, праздничное настроение.

Еще напечатан был только доклад, а уже хлынул нескончаемый поток телеграмм, писем, откликов. Некоторые товарищи, словно участвуя в прениях, откликались на то или иное выступление, посылали телеграммы во Всесоюзную академию сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. Взволнованные докладом и прениями ученые и колхозники, педагоги и инженеры после трудового дня брались за перо. Ведь речь шла о самом близком, дорогом — о победе советской мысли, о победе советской науки над чуждой, враждебной лженаукой.

Посылали письма в редакцию «Правды», в редакцию «Социалистического земледелия», в Министерство сельского хозяйства, товарищам, выступавшим в прениях, и лично Трофиму Денисовичу Лысенко. По вопросам биологии за какую-нибудь декаду были получены тысячи писем. О каком огромном духовном росте нашего советского человека говорят они! Самые разнообразные слои народа с живейшим интересом откликаются на такие, казалось бы, специальные вопросы, как биологическая теория. Для морганистов, оторванных от жизни, это внимание народа — обвинение и приговор той «науке», которой они так долго и так бесплодно занимались.

Откуда только не приходят письма! На конвертах штемпели Калинина и Осиповичей (Белоруссия), Подольска и Пятигорска, Москвы и Грозного. Письма — из Ленинграда, Петрозаводска, из Крыма и Ташкента, из Днепропетровска, Ростова, Кирова, Куйбышева, Фрунзе, Харькова, из Кизляра, из Литвы, из десятков колхозов и деревень различных областей нашей огромной страны. Кто только не пишет академику Т. Д. Лысенко: и кишиневский профессор Коварский, и заслуженный деятель науки профессор М. Рево, и студентка среднеазиатского университета М. Коржавина, и И. Пряхин из заповедника «Тульские засеки», и офицеры Г. Зелень из Белоруссии, и Г. Максимов из Кандалакши, и экономист С. Афанасьев, и рабочий Н. Доронин, и агроном Я. Аксинин; здесь и учитель Генфилов и инженер Толмазов; здесь и сельский партийный работник Смоленщины И. Литвинов... Впрочем, одно перечисление фамилий и профессий заняло бы целую страницу газеты. Но кто бы ни писал, откуда бы ни пришли письма,—всех их роднит горячая заинтересованность в процветании мичуринской науки на благо народа, об'единяет пытливая мысль и горячее патриотическое чувство, которыми продиктованы и самые письма, и разнообразнейшие предложения, заключенные в них.

Большую радость по поводу торжества мичуринского направления выражают советские люди в своих письмах и телеграммах.

Колхозники артели «Подмосковный хлебороб», прочитав номер «Правды» с докладом Т. Д. Лысенко, сразу же написали взволнованное письмо:

«Тов. Лысенко! Позволяем себе выразить наше чувство личное и многих окружающих колхозников. Поздравляем с великой победой нашего мичуринского учения! Оно оправдало себя высокими урожаями. Советская наука воспитывает наш народ в коммунистическом духе, формирует стойких и бодрых людей, не боящихся трудностей, препятствий.

Да здравствует наш вождь товарищ Сталин!..

Да здравствует наша советская наука! Желаем успехов!»

Профессор В. Сухарев прислал Т. Д. Лысенко телеграмму:

«Ваше утверждение, что рычагом повышения продуктивности и совершенствования пород являются корма плюс условия содержания, в основном, правильно отображает жизнь. Это в моих экспериментах с радиактивными кормами неоднократно подтверждалось. Радуюсь Вашей победе. Преклоняюсь перед мудростью правительства, усилившего состав академии мичуринцами».

Не только отдельные ученые откликнулись на работу сессии. В адрес академика Т. Д. Лысенко начали приходить письма от научных коллективов, от институтов, академий, со всех концов страны.

Из Риги — столицы молодой советской республики—телеграфировали:

«Мы, мичуринцы Латвийской сельскохозяйственной академии, поздравляем Вас с блестящей победой над реакционным течением в биологии. Ваш глубокосодержательный доклад на сессии вдохновляет нас на еще более упорную борьбу против местных менделистов. Ваш доклад скоро выйдет на латышском языке. Профессор доктор Пейве, профессор Берзинь, кандидат наук Авотынь-Павлов».

Морганисты-менделисты, выступая на сессии, пытались спекулировать именами выдающихся наших селекционеров, которые вывели не один полезный сорт для сельского хозяйства. То, что при выведении этих сортов менделевская «наука» была не при чем (хотя некоторые из селекционеров и называли себя последователями Менделя), блестяще доказал докладчик.

Примечательно письмо селекционера проф. В. Писарева, для которого осознание своих ошибок является не «крушением жизни» (как для многих бесплодных схоластов), а ступенью к овладению новыми творческими высотами в деле служения народу...

«Во время моей сорокалетней работы практического селекционера, — пишет В. Писарев, — я, прежде всего, ставил себе задачу дать нашему сельскому хозяйству более урожайные сорта и, в особенности, сорта яровой пшеницы для севера Союза. В качестве теоретической базы я не изучал в вузе ни генетику, ни селекцию (таких и кафедр не было). Мной, под влиянием литературы, постепенно овладела бывшая тогда в почете так называемая хромосомная теория.

Однако надо честно сознаться, что эта теория трудности работы мне не облегчила. Может быть, мне, старому селекционеру, более, чем кому-либо другому, непростительно до сих пор замалчивать целый ряд фактов из моей селекционной работы, фактов, которые не укладывались в механическую систему хромосомной теории.

...Моя вина в том, что я, под гипнозом хромосомной теории, проходил мимо этих фактов, появление которых так просто, ясно об'ясняется учением Мичурина о наследственности, развитым Вами и Вашими учениками.

Выведение сорта яровой пшеницы «московка» также обязано не удачной комбинации признаков по Менделю, а тем специфическим условиям Подмосковья, в которых формировался молодой гибридный сорт.

Все это я передумал и перебрал в своей памяти после Вашего доклада на сессии академии.

...И теперь я ясно вижу, что ни на чем не было основано мое упорство в отстаивании реакционных, по существу, взглядов на наследственность буржуазных ученых Запада и наших так называемых «формальных генетиков».

Теперь, когда идет яростная борьба идеологий двух миров, середины быть не может, и я хочу быть в рядах мичуринского движения, чтобы работать на пользу нашему социалистическому сельскому хозяйству.

Правда, есть пословица: «Москва слезам не верит», и поэтому на мне лежит обязанность словом и делом доказать мою верность мичуринскому движению в нашей советской биологии».

Гордостью за победу своего ученого, своей большевистской науки полны сотни писем простых советских людей.

«Я, простой человек, прочитал Ваш доклад на сессии. Его необходимо прочитать каждому. Понял я, какая огромная, трудная и важная задача стоит перед Вами.

...До чего сожалел я после выступлений Ваших противников, что я не биолог, не агроном, и не могу помочь Вам одолеть их. Но Вы, человек из простого народа, справились сами. Я горжусь Вами! Какое блестящее применение материалистической диалектики в биологии. Ваше выступление, словно гроза с дождем в весеннюю засуху. Нанесен сокрушительный удар засушливым реакционным теориям вне и внутри нашей страны. Аплодирую и поздравляю с победой!», — пишет товарищ Костромин.

Товарищ А. Земцов из Минска, человек, не имеющий непосредственного отношения к биологии, сразу, как только прочитал доклад, написал Т. Д. Лысенко:

«Просто и не знаю, как высказать Вам чувство, которое бьется в груди. Вот будто бы Вы праздник для меня устроили. Прочитав доклад, еще раз прочитал, а потом не выдержал; несмотря на позднее время, начал обзванивать приятелей. А они занимались тем же, чем и я, и чувство и радость у них были такие же, как и у меня.

Победит Ваше дело, Трофим Денисович. В Вас верит народ. Вас поддерживает народ. Вы близки и понятны народу. Разрешите уж мне, не ученому, рядовому человеку, провозгласить: пусть торжествует родная наша, отечественная, революционная, смелая, сталинская советская наука. Пусть лучше служит она делу своего великого народа, интересам простого человека труда, потребностям практики, запросам жизни».

Старейший колхозник-опытник Курганской области Терентий Мальцев, ведущий большую исследовательскую работу в хате-лаборатории и на полях колхоза, прислал своему учителю Т. Д. Лысенко письмо:

«От всей души и сердца рад исторической победе над силами реакции, имевшими возможность так долго опутывать умы учащихся нашей страны псевдонаучными словоизлияниями с кафедр учебных заведений, перепевая на разные лады учения буржуазных биологов, проповедуя чуждую нашему духу идеологию.

Великое будущее принадлежит нашему славному, родному мичуринскому учению, целиком и полностью соответствующему прогрессу биологической науки в нашей стране, строящей коммунизм.

Отныне мичуринская наука, основанная на марксистско-ленинском учении, будет служить отправной базой для дальнейшего раскрытия все новых и новых глубин биологической науки, новых и новых истин в жизни и развитии организмов. Вы буквально раскрепостили науку, дав ей неограниченные возможности в движении вперед».

Подлинной любовью к настоящей науке и беспокойством за нее звучат голоса наших людей.

«Мы, члены сельхозартели «Путь к социализму» (Раменский район, Московской области), требуем изгнания из университетов прихлебателей буржуазной науки, рабов иностранщины. Не место им в среде ученых нашей Родины! Что они дали народу, идущему твердой поступью к коммунизму?

Сожалеем, что тов. Лысенко не мог создать раньше здоровой обстановки в академии и не мог укомплектовать ее состав мичуринцами. Время еще не ушло. Действуйте, тов. Лысенко, смелее, ибо эти лжеученые—враги передовой социалистической науки. Желаем сессии успехов. По поручению колхозников Андрей Иванов».

С письмом колхозников Подмосковья перекликаются многочисленные отклики учителей, требующих изменений в школьной программе по биологии.

Не мог не взволновать доклад Лысенко и студентов, которых против их воли заставляли изучать менделевско-моргановскую «науку».

«Разве не трагично узнать на четвертом курсе, что три года тебя учили лженауке»,—пишет студентка биофака среднеазиатского госуниверситета Марина Коржавина.

Не случайно в прениях на сессии академик Е. Ушакова, да и другие выступавшие говорили, что большинству специалистов, окончивших биологические вузы, при столкновении с практикой приходится переучиваться.

Экономист-аграрник Н. Симонов, заведующий кафедрой политэкономии одного из московских институтов, заявляет:

«Я считаю, что Министерство высшего образования СССР несет политическую ответственность за то, что оно сохраняло «нейтралитет» в борьбе двух направлений в науке, вместо того чтобы решительно проводить на практике Ваши идеи».

И, словно сговорившись, десятки людей из самых разных мест пишут о том, что необходимо возможно быстрее издать материалы работ сессии, книги, популяризирующие мичуринское направление, классиков материалистической биологии и новые учебники. Об этом пишут из Москвы, из Дагестана, из Тамбова...

Во множестве писем люди рассказывают о своих опытах, подтверждающих правоту мичуринцев, об удачном применении мичуринских методов в животноводстве, вносят ценные для науки и практики предложения. В этих письмах неиссякаемая инициатива народа, его пытливая творческая мысль.

Читая эти человеческие документы, думаешь о великом духовном единстве нашего советского народа, о том, что советское правительство тысячами нитей связано с народом, с его помыслами, с его чаяниями.

Читая эти письма, видишь, что, поддерживая мичуринцев и помогая им в борьбе против реакционных теорий в биологии, товарищ Сталин и партия выражали волю всего нашего народа.

Ведь как бы ответом на эти письма было решение правительства об укреплении и расширении штаба мичуринцев—Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, пополнение ее новым славным отрядом академиков—соратников Лысенко.

И как бы в ответ на письма студентов, колхозников, агрономов, учителей, на пожелания многих тысяч советских людей изменены программы по биологии во всех учебных заведениях страны; огромными двухсоттысячными тиражами издаются сочинения И. В. Мичурина, работы Т. Д. Лысенко, труды сессии академии.

Читая эти письма, видишь, как рушится стена, отделявшая умственный труд от физического, как с каждым днем развиваются ростки коммунизма в нашей стране.

«Наука должна сойти со своего пьедестала и заговорить языком народа!»—мечтал Тимирязев.

И вот об этой ныне осуществленной мечте вспоминаешь, читая письма колхозников и агрономов—простых советских людей. В этих письмах вера в торжество коммунизма, в могущество человеческого труда, переделывающего мир, и тот настоящий, идущий от всего склада нашей жизни творческий оптимизм, который стал неот'емлемой частью характера советского человека.

Накануне 50-летия МХАТ

27 октября 1948 года исполняется 50-летие со дня основания Московского Художественного Академического театра Союза ССР имени Горького.

Принимая во внимание выдающиеся заслуги театра в развитии советского театрального искусства, Совет Министров СССР учредил Всесоюзный комитет по проведению 50-летнего юбилея Московского Художественного Академического театра Союза ССР имени Горького в составе 43 выдающихся деятелей культуры, под председательством П. И. Лебедева.

На Всесоюзный комитет возложена разработка мероприятий, популяризирующих среди трудящихся Советского Союза значение деятельности МХАТ, а также подготовка к проведению юбилея театра.

В связи с юбилеем в театрах, клубах, на предприятиях и в учреждениях страны устраиваются доклады и лекции о роли МХАТ в развитии советской культуры. Намечается также провести творческие встречи мастеров Художественного театра с рабочими, служащими, колхозниками, студентами в Москве и других городах Советского Союза.

В дни юбилея ожидается прибытие в Москву делегаций из союзных республик, а также прогрессивных деятелей искусства из зарубежных стран.

МХАТ намечает отметить юбилейные дни показом своих лучших спектаклей. В частности, зрители увидят трагедию А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович», которая уже полвека не сходит с его сцены. Премьерой этой пьесы, как известно, открылся Художественный театр в октябре 1898 года. К юбилейным дням МХАТ готовит также новую пьесу А. Сурова «Зеленая улица». Сейчас идут репетиции этого спектакля.

К юбилею приурочивается издание альбома, посвященного 50-летию МХАТ, а также выпуск популярной литературы, монографий, мемуаров о театре и его деятелях.

В день юбилея — 27 октября — в Москве состоится торжественное заседание.

Толстовские дни

9 сентября исполняется 120 лет со дня рождения гения русской литературы Льва Николаевича Толстого. Эта дата отмечается в Советском Союзе торжественными вечерами, научными сессиями, выставками, новыми изданиями произведений великого писателя.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР и Государственный музей Л. Н. Толстого проводят двухдневную научную сессию, которая откроется вступительным докладом Д. Благого. На сессии будут заслушаны доклады Т. Мотылевой—о мировом значении Толстого, Г. Зайцева — Нелегальная большевистская печать о Толстом, К. Ломунова — Толстой в борьбе с декадентским искусством, С. Бычкова — о романе «Война и мир» и Н. Гудзия — Лев Толстой и натуральная школа.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

Издания произведений Л. Н. Толстого за годы советской власти значительно превышают количество изданий, выпущенных до Великой Октябрьской социалистической революции. По сведениям Всесоюзной книжной палаты, на 1 августа 1948 года тираж произведений Толстого составляет 29 миллионов 177 тысяч экземпляров.

Параллельно с выпуском собраний сочинений великого писателя ежегодно издаются массовыми тиражами отдельные произведения Толстого. В этом году Гослитиздат выпустит иллюстрированные издания романа «Воскресение» (тиражом 300.000 экземпляров) и повести «Казаки» (тираж — 10.000); выходит также XIII том академического собрания сочинений, содержащий варианты «Войны и мира».

В ближайшее время в издательстве «Искусство» выходит сборник «Репин и Толстой». В первом томе — около ста писем Репина к Льву Николаевичу, Софии Андреевне и Татьяне Львовне Толстым. Почти все письма публикуются впервые. Во втором томе собраны иллюстрации Репина к произведениям великого писателя и дана подробная библиография работ художника.

ЦЕННЫЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ МУЗЕЯ

Государственный музей Л. Н. Толстого приобрел на-днях обширный личный архив старшего сына Льва Николаевича — Сергея Львовича Толстого.

Основную ценность архива представляют двадцать четыре письма Льва Николаевича к Сергею Львовичу и его жене, датированные 1884—1910 гг., автографы статей и отрывков из романа «Воскресение» и повести «За что?» На машинописных листах собственноручная правка писателя. Среди документов, хранящихся в этом архиве,— копия завещания Льва Николаевича.

ВЫСТАВКА В ТАШКЕНТЕ

Выставку литературы и иллюстраций, посвященную 120-летию со дня рождения Л. Н. Толстого, организовала Ташкентская Государственная публичная библиотека имени Навои.

В разделе «Великий писатель русской земли» помещены статьи и очерки о значении литературного наследия великого писателя, напечатанные в газетах, журналах и сборниках дореволюционного и послереволюционного изданий.

Центральное место отведено разделу «В. И. Ленин о Толстом».

Отдельный стенд посвящен изданию произведений Толстого и критической литературы о нем на узбекском языке.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЧТЕНИЯ

В Туле организованы толстовские литературные чтения. С лекциями и докладами о жизни и творчестве писателя выступили доктор филологических наук В. Кирпотин, бывший личный секретарь Л. Н. Толстого профессор Н. Гусев, научная сотрудница музея-усадьбы Ясная Поляна Е. Куприянова и другие.

МИТИНГ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Ясная Поляна готовится торжественно встретить день 9 сентября. Заново отремонтированы дом, в котором жил Толстой, флигель, где находится литературный музей, и все другие здания на территории усадьбы.

Заканчивается асфальтирование бывшей проселочной дороги, ведущей от шоссе к Ясной Поляне.

Завтра здесь откроется новая школа-десятилетка, отстроенная на месте разрушенной немецко-фашистскими захватчиками. У здания школы состоится большой митинг, в котором примут участие представители общественных организаций.

«Временщики» на посту председателя колхоза

Галина НИКОЛАЕВА,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

1.

Урожай в нынешнем году хорош. И дело не только в миллиардах пудов хлеба, выращенного колхозами страны. Вместе с этим хлебом, в самом ходе борьбы за этот хлеб выросли новые мастера высоких урожаев, еще выше поднялись колхозы, еще дальше ушло по пути к изобилию наше социалистическое сельское хозяйство.

Хороший урожай мы взяли не потому, что год выдался особенный. В селе Урень, Горьковской области, где я нахожусь сейчас, все лето стояла ашхабадская жара, и с половины мая до половины июля не было ни одного дождя. Однако же колхоз «Трактор», о котором мне приходилось уже писать, вырастил до 20 центнеров зерновых с гектара. Планировал, правда, тридцать, но все ж таки двадцать взял. Значит, сельскому хозяйству нашему, каким оно стало за двадцать без малого лет колхозного строя, природа во многом уже не указчик. И тем обиднее, что в наши дни, когда только и слышишь об успехах уже не отдельных передовиков, а целых колхозов, районов, областей, раздаются вдруг унылые слова:

— Эх... нам бы такое.

— А вы откуда?

— Роговские мы, — говорит колхозник с таким безнадежным видом, словно хочет сказать: «чахоточные мы»...

— Роговские!

На роговского колхозника смотрят сочувственно, насмешливо, удивленно, смотрят, будто спрашивают: «Как дошли вы до жизни такой?»

«Отстающий колхоз» — эта «слава» укрепилась за Роговым не на год, не на два, — почти десять лет тащит колхоз тяжкое бремя этой «славы». Передо мной годовые отчеты Роговского колхоза. Становятся в ряд унылые цифры: урожай ржи в 39 году 30 пудов с гектара, в 45 — 13, в 46 — 27, в 47 — около 28 пудов. Урожай картофеля в 39 году 300 пудов с гектара, в 45 — 120, в 46 — 474, в 47 — 372. Удойность в литрах на 1 фуражную корову в 45 году 631, в 46 — 623, в 47 — 462.

Из года в год копится за колхозом задолженность. Одних только яиц задолжал колхоз государству 14.000 штук. А зерно! Неоднократно с колхоза списывали задолженность, неоднократно предоставляли льготы, и все же на сегодняшний день колхоз должен государству за прошлые годы 330 центнеров зерновых.

Пашни Рогова, те самые пашни, которые дают убогие урожаи, находятся всего в 6—7 километрах от пашен колхоза «Трактор», на которых собирают по 120—150 пудов зерна. Те же земли, то же солнце, те же тучи, почему же такая разница в урожае?

Лучше всего поймешь это, поговорив с людьми.

2.

В неприютной комнате правления колхоза собрались колхозники; это люди жизнерадостные, любящие шутку, любящие труд. Беседа течет живо и дружно, пока я не задаю вопроса:

— Чем же все-таки «болен» ваш колхоз? — и тут сразу начинается неразбериха и путаница.

— У нас на пойме 70 гектаров болот, сеять на них нельзя, а нам их приписали как пахотные и хлебопоставки с них берут. Шутка сказать, 70 гектаров! От них все наши недоимки, — заявляет председатель колхоза Соловьев.

Об этих 70 гектарах говорят все, говорят оживленно и даже с некоторым удовольствием, словно они оправдывают все грехи и неполадки колхоза, словно за них можно, как за ширму, спрятаться и от людских упреков, и от укоров совести.

— Дайте мне план севооборота!

Счетовод берет счеты, и мы подсчитываем поле за полем, клетку за клеткой. Множество глаз с напряженным вниманием следит за счетами, каждую ошибку поправляют сразу несколько голосов.

Подсчет окончен, и все озадачены: оказывается, неудобные болотные земли в счет не идут и госпоставки взимаются совершенно правильно.

Так разлетается первый «миф» о причинах отставания колхоза. И тут же возникает второй:

— Многоземелье — это наша главная беда. Неподсильна нам наша земля! Людей мало! Работаем через силу, рук не покладая, да где же ее всю поднять! Пятьсот-то гектар!

Тогда мы берем трудовые книжки за 47 и 48 год и начинаем просматривать строку за строкой, листок за листком. Оказывается, что наряду с колхозниками, выработавшими по 400—600 трудодней в год, множество таких, которые выработали 200, а то и меньше трудодней.

Вот колхозница А. П. Огурцова. За 6 месяцев она выработала всего 18 трудодней! Вот А. В. Липина. За год у нее всего 127 трудодней.

— Зачем ей работать! У нее муж тракторист! — говорят колхозники.

Еще и еще, одна за другой, молодые, здоровые женщины, не обремененные большими семьями, работают в колхозе, по существу, только три месяца в году — июль, август и сентябрь. В эти горячие месяцы работают все, а в остальное время года большинство колхозников вырабатывают от 5 до 15 трудодней в месяц.

Так разлетается второй миф о причинах отставания Роговского колхоза. И тут же возникает третий.

— Скажу я вам всю правду! — говорит Осип Михайлович Потехин, один из лучших колхозников, награжденный медалью «За доблестный труд». — Не в том у нас причина, что земли много, а в том, что веры мало... Который год все книзу да книзу идем.

Прав ли Осип Михайлович в своем утверждении?

Нет, не прав. Об этом говорят нам те же трудовые книжки: основное колхозное ядро состоит из колхозников, выработавших по 300—400 трудодней. Но еще яснее, чем трудовые книжки, говорят о вере в колхоз слова самих колхозников.

— Какой у нас был колхоз! — говорит Потехин, — по 4 килограмма на трудодень получали! Я свинофермой заведывал, — лучше моих свиней во всем районе не было!

Коренастый, розовощекий, с седеющей кудрявой бородой, он так увлекся воспоминаниями, что встал с места, азартно размахивает руками, голубые глаза его блестят.

Волна воспоминаний охватила всех, и все наперебой спешат рассказать мне о славном прошлом своего колхоза. В повеселевших лицах, в блестящих глазах чувствуется вера в колхоз. Колхозники сороковых годов совсем не те, что колхозники тридцатых годов. Колхозники наших дней — это люди, собственными глазами увидевшие преимущество колхозного строя, их вера в колхоз так крепка, что она живет, несмотря на отдельные затяжные неудачи и испытания.

Так разлетается третий миф о причинах отставания колхоза.

И тогда кто-то говорит:

— «Временщики» нас погубили! Первый временщик был Волков. Три года ходил он у нас в председателях, все добро разбазарил. Сколько раз мы в район писали, просили убрать его, а в районе его поддерживали. Тогда спохватились, когда на фермах пала половина скота. Приехал к нам прокурор, засудили Волкова, однако сдохшие коровы от этого обратно не народились. А тут пошли председатели меняться! За годы войны пять председателей сменилось! Какой уж тут колхоз!

И вот, сквозь дебри неверных предположений мы добрались до одной из причин отставания Роговского колхоза.

3.

Кадры решают все. С сельскохозяйственными кадрами, в частности, с председателями колхозов, вопрос стоит очень остро в целом ряде районов. Дело в том, что председатель колхоза должен быть не только культурным и знающим сельское хозяйство человеком, но и человеком особых личных качеств.

Его работа всегда связана с риском и во многом зависит от стихии: какой-нибудь ливень может сломать график работ целой недели. Это требует особой гибкости, поворотливости.

Всю жизнь председатель живет как бы под стеклянным колпаком: ссора с женой, грубое слово, сказанное матери, тотчас становятся достоянием колхозников и снижают авторитет. Это требует особых моральных качеств и постоянной подтянутости.

Председатель колхоза — не просто хозяйственник и администратор. Он политический руководитель и воспитатель сотен людей. Это требует политической закалки, большевистской идейности, широты кругозора.

Все это подтверждает хотя бы история колхоза «Трактор», который с избранием председателем Бушаева из отстающего превратился в передовой. Очень показательна в этом отношении история колхоза «Красный путиловец», Уренского же района. Здесь сменилось пять председателей, и качества их, как в зеркале, отражены в экономике колхоза.

Хороший председатель—и колхоз крепнет; плохой — и экономический уровень колхоза резко снижается.

У председателя, не связавшего свою судьбу навсегда с судьбой колхоза, особая психология, и недаром в народе прозвали таких «временщиками».

Такой председатель живет сегодняшним днем, его работа бесперспективна, он ищет авторитета скорого и дешевого. Для получения хорошего урожая он, например, распахивает и засевает зерном клеверные поля, не считаясь с севооборотом. Он получает на один год неплохой урожай, завоевывает репутацию человека, поднявшего колхоз, хорошо зарабатывает на трудоднях и... уезжает, оставив колхоз на первый взгляд в хорошем состоянии, а по существу с нарушенным севооборотом, то-есть с подорванной экономикой.

Именно таким путем нарушили севооборот в Рогове. А нарушенный севооборот — это как раз тот «увязший коготок», который может погубить всю птичку. Надо было во-время напрячь все силы, чтобы вырваться из трясины. Этого сделано не было. Снижались урожаи, появилась бескормица, стал хиреть скот.

Во всем этом основная причина падения Роговского колхоза.

Районные партийные и советские органы не воспитали в роговцах хозяйского чувства, того чувства, когда колхозники, опираясь на устав, сознавая себя хозяевами артели, не выбирают председателем случайного человека.

Люди отошли от колхоза. Чем хуже они работали, тем меньше получали на трудодень. А чем меньше получали, тем хуже работали. Плохая работа худших колхозников тяжким бременем ложилась на плечи лучших.

Так замкнулся порочный круг, в котором уже многие годы бьется Роговский колхоз.

4.

— Нынче мы посеяли хорошо, организовали индивидуальную сдельщину, лучше работали, чем в том году, — говорит председатель. — Если бы доброе лето, то мы бы встали. А теперь?.. Не знаю, что и делать!

— Эх, председатель! — отзывается один из колхозников, — ты в нас должен бодрый большевистский дух вселять, веру поддерживать, а ты сам растерялся!

Сами колхозники сближают, сливают в одно целое вопросы организационные с вопросами большевистской закалки, то-есть, по существу, с вопросами массовой партийно-политической работы.

Со всех сторон летят предложения:

— Мокроносовский колхоз «Прожектор» на одном льноволокне выручил 79.000 рублей. Они лен не как мы, не тростой сдавали, а волокном, в обработанном виде. От этого большая прибыль. Вот бы и нам! Гидростанция у нас есть. Приспособить бы электричеством лен обрабатывать?

— А я вам скажу, — горячится Осип Михайлович. — Веревочку вырабатывать надо. Большие тысячи можно взять.

— И лен и веревочка — это все подсобное, — говорит главный агроном района тов. Алексеев, — главное — клевера, севооборот. Если бы выполняли вы план посева клеверов, урожаи были бы больше и корма были бы у скотины. Кроме того, за 1 центнер семян клевера вам зачли бы 5 центнеров зерна, а если сдавать клевер сверх плана, то один центнер идет за 7,5 центнера зерна!

И тут выплывают на поверхность пережитки прошлого в сознании. Веками сложилось у колхозников уважение к зерну. Оставить в поле неубранными снопы ржи — это позор, которого не допустит даже самый плохой колхоз. А вот клевер, ценность которого в 5—7 раз больше, чем ценность ржи, остается иногда в поле до первого снега, и это никого не возмущает: «Что клевер. Не зерно — трава!»

Так вопросы чисто агротехнические вплотную соприкасаются с вопросами массовой и партийно-политической работы.

5.

На недостатки партийно-политической работы в деревне указывалось в историческом постановлении февральского Пленума ЦК ВКП(б). Теперь, в 1948 году, на общем фоне под'ема сельского хозяйства особенно резко выделяются такие колхозы, как Роговский.

В Рогове всего один член партии и один кандидат. Кажется, ясно, что отстающий колхоз, имеющий очень малочисленное партийное ядро, должен стать в центре внимания руководящих районных да и областных организаций.

Что же получается в действительности?

— Часто ли бывают у вас люди из района, из области? — спрашиваю я.

— Часто. Приедут, скажут два слова: «нажимай», да «скорей» и поехали дальше. Они в хороших колхозах задерживаются, а мы отстающие...

— Бывают ли у вас лекции, беседы по вопросам агротехники или по вопросам политики?

— Один раз за год читали лекцию о международном положении, а больше ничего не было... Лектора больше по хорошим колхозам ездят, а мы отстающие...

Так мы сталкиваемся с явлением странным и противоестественным. Руководители и районных и областных организаций охотно перечислят лучшие колхозы района и области, точно назовут по именам и подробно охарактеризуют председателей лучших колхозов. Но попробуйте спросить о худших колхозах. Вам ответят неловким молчанием и посмотрят на вас так, словно вы совершили бестактность.

Хорошим колхозом приятно погордиться. Плохие же скрываются за средними цифрами района, тонут в мощном потоке общих достижений. И вот на хороших колхозах сосредоточивают все внимание, а от плохих отмахиваются.

Между тем, такие колхозы, как Роговский, требуют самого пристального внимания и самого энергичного делового вмешательства. Это тем более необходимо, что партия и правительство разработали целый ряд мероприятий, открыли множество путей для роста и под'ема колхозного хозяйства.

Есть все условия для того, чтобы вернуть Роговский колхоз на светлую и широкую дорогу. Для этого нужны только инициатива и организованность, для этого нужно только довести до сердца и ума колхозников все те возможности, которые у них имеются, для этого нужно уделить больше внимания отстающим колхозам!

ГОРЬКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ.

ЗА ОБРАЗЦОВУЮ КНИГОТОРГОВЛЮ

Забытые станицы

Заведующая библиотекой Клеопатра Ивановна Васильева рассказала мне, что все население станицы Кочетовской пользуется книгами станичной библиотеки.

— Плохо только, что книг у нас маловато, — жалуется Васильева, — библиотечный коллектор снабжает скудно и не всегда учитывает наши потребности. Заладили присылать нам «Шинель» Н. В. Гоголя. В каждой посылке... Уже двенадцать «Шинелей» набралось!

Таким образом, злоключения Акакия Акакиевича уже известны всем жителям Кочетовской. А как обстоит дело с новинками советской литературы? С произведениями ростовских писателей? Областное книгоиздательство выпустило сборник очерков В. Фоменко «Обыкновенные люди», правдиво рассказывающих о трудовой доблести донских колхозников.

— Этой книги у нас нет — говорит Клеопатра Ивановна. — Купить бы, — деньги есть, — да где купишь?

В Кочетовском почтовом отделении плакаты сообщают о разного рода почтово-телеграфных услугах, но нигде ни слова о книгах.

— Литература? Как же, есть, — равнодушно отвечает начальник отделения тов. Волобуев.

Неторопливо закончив почтовые операции, он отпирает чуланчик, где, скрытые от людского глаза, хранятся книги.

— Как же вы распространяете литературу?

— Да вот, даю колхозным письмоносцам. Только берут они ее неохотно. Нет интереса. Ничего за продажу книг они не получают.

«Интереса» к книге нет не только у письмоносцев. Года два назад начальник областного отдела Союзпечати тов. Мальцев и управляющий областным Когизом тов. Аведиков неизменно вступали в бурный спор: как делить тиражи книг Ростиздата?

— У меня большая сеть! — горячо доказывал тов. Мальцев. — Когиз торгует только в городах и 35 районах, а Союзпечать — по всей области. Мы можем довести книгу до каждого колхоза. Дайте нам минимум половину тиражей.

С течением времени голос тов. Мальцева звучал все глуше, затем совсем умолк. Сейчас работники Союзпечати доказывают, что на книги нет спроса, что книги «не идут», и с такой же энергией отказываются от книг, с какой раньше их домогались. Альманаха «Дон» № 10 взяли 500 экземпляров и разослали их в города области, не дав селу ни одного экземпляра. От книги «Дон и его притоки» совсем отказались, хотя в придонских районах на нее большой спрос.

Плохо, очень плохо продвигает Союзпечать книги на село. Видимо, так обстоит дело не только в Ростовской области. 19 июня министр связи СССР тов. Псурцев издал приказ об улучшении распространения литературы на селе. Прошло более двух месяцев, однако ничего не изменилось. Я побывал в трех районах: Константиновском, Семикаракорском и Багаевском — везде одна и та же картина: об агитмашинах и агитфургонах и не помышляют, полевые станы не обслуживают, никаких специальных мест для продажи книг нет.

И повсюду удивительно равнодушное, беззаботное отношение к книге! Начальник почтового отделения не отвечает за реализацию книги. Почтово-телеграфные операции, продажа марок — это план, за это нужно отчитываться. А книги — вроде общественной нагрузки. Они, видите ли, в план не включены. Вот почему, как откровенно об'яснил мне начальник Кочетовского почтового отделения тов. Волобуев, у него «нет интереса» к распространению литературы. Книготорговля не входит в баланс и районных контор связи.

Заместитель управляющего областным Когизом тов. Юзефович показал мне большую фотографию: у колхозного тока стоит книжная автолавка, вокруг толпятся колхозники, покупают книги. Эта автолавка побывала в 37 колхозах и 4 МТС Больше-Крепинского и Куйбышевского районов и за 10 дней продала литературы почти на 15 тысяч рублей. Вот поучительный пример, как надо обслуживать книгой сельское население! Но это только пример, а не система работы Когиза.

Сеть Когиза непрерывно расширяется. Сейчас есть магазины в 51 районном центре. Вскоре откроются магазины и в остальных районах. Но как работают раймаги? Магазин в станице Багаевской забит книгами. В углу, в груде книг, находим намертво увязанные пачки брошюр о ценнейшем опыте колхозников — Героев Социалистического Труда. На полках этих брошюр нет. Под прилавком — тоже тюки и пакеты с книгами, забытые и месяцами не извлекаемые на свет.

В магазине висит лозунг, призывающий любить книгу, но сам заведующий магазином тов. Холявенко книги не любит. Хоть бы малейший проблеск инициативы, хоть бы одна попытка приблизиться к читателю, заинтересовать его, хоть бы чуточку желания выйти за пределы районного центра!

В Константиновском раймаге план выполняется и «затоваренности» нет. Но и этот магазин ограничивает свою деятельность рабочим поселком. А ведь в районе — десятки колхозов и есть сельсоветы, удаленные от райцентра на 40—60 километров. Туда книга не доходит.

Есть еще одна организация, причастная к торговле книгой: Облпотребсоюз. Он имеет в области около 2.000 магазинов: мощная, глубоко проникающая торговая сеть. Областной комитет ВКП(б) обязал Облпотребсоюз покупать 25 процентов тиражей массово-политических и сельскохозяйственных изданий Ростиздата. Однако управляющий культбазой Облпотребсоюза тов. Лошкарев беззастенчиво подписывает требования в адрес Ростиздата на... 100 экземпляров каждого названия. Как делит тов. Лошкарев эти 100 экземпляров на 2.000 магазинов? Постранично, что ли?

Итак, что же могут ответить работники Когиза, Союзпечати и Облпотребсоюза на вопрос, заданный тов. Васильевой: где купить книгу? Этот вопрос волнует жителей сотен таких станиц, как Кочетовская, несправедливо забытых и тов. Мальцевым, и тов. Юзефовичем, и тов. Лошкаревым. Отвечать на него надо не словами, а делом.

А. ГОНЧАРОВ

РОСТОВ-на-ДОНУ.

По следам выступлений «Литературной газеты»

«НЕОБЫЧАЙНАЯ ИСТОРИЯ ОДНОГО ИЗОБРЕТЕНИЯ»

22 августа в «Литературной газете» была опубликована корреспонденция Н. Лебедева «Необычайная история одного изобретения», в которой сообщалась история изобретения инженера Л. И. Козловского, сконструировавшего установку для электросварки сеток бумагоделательных машин.

По поводу этой корреспонденции министр лесной и бумажной промышленности СССР тов. Г. М. Орлов сообщил корреспонденту «Литературной газеты» следующее:

— Работа инженера Козловского, о которой сообщила газета, представляет огромный интерес для бумажной промышленности. В настоящее время тов. Козловский вызван в министерство для того, чтобы ознакомить руководство министерства с предложенным изобретением.

Министерство сделает все возможное, чтобы обеспечить тов. Козловскому необходимые условия для успешного осуществления его идеи, имеющей большое значение для нашей отрасли промышленности. Министерство лесной и бумажной промышленности имеет в Ленинграде научно-исследовательский институт и опытные мастерские, где тов. Козловский сможет проверить на практике свое предложение.

Примиренчество и самоуспокоенность

А. КРОТОВ

Институт истории Академии наук СССР является крупнейшим в Союзе научно-исследовательским учреждением, занимающимся разработкой вопросов истории. За время своего существования он проделал немалую работу и внес значительный вклад в советскую историческую науку. Об этом свидетельствуют некоторые труды, выпущенные им за последние годы и отмеченные Сталинской премией.

Но было бы неправильно за отдельными успехами не видеть серьезнейших недочетов в деятельности института, приведших к созданию его работниками низкокачественных, нередко антимарксистских, политически вредных и идейно порочных исторических трудов.

Институтом истории была выпущена монография академика С. Б. Веселовского — «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси», т. 1. Эта книга, являющаяся плодом многолетнего труда автора, страдает серьезными пороками. Важнейшие вопросы истории русского государства феодальной эпохи трактуются в ней с антимарксистских позиций.

Например, разложение феодализма об'ясняется автором чисто биологически — естественным размножением служилых людей. Такой же биологический принцип положен в основу рассуждений о формировании русского национального государства с центром в Москве. А таким фактам, как отказ от рабского труда в ряде хозяйств и массовый отпуск холопов на свободу, дается откровенно буржуазное, идеалистическое об'яснение. Все они рассматриваются, как результат влияния духовенства и церковной проповеди. Читая книгу С. Б. Веселовского, трудно поверить, что автор ее — советский ученый и что издана она в 1947 году советским научно-исследовательским учреждением.

Книгой С. Б. Веселовского, к сожалению, не ограничивается перечень антимарксистских работ, выпущенных Институтом истории за последние годы. Примером может служить сборник «Петр Великий» (1947 год). Помещенная в нем статья самого редактора А. И. Андреева о пребывании Петра в Англии в 1698 году фальсифицирует историю нашей родины, пропитана низкопоклонством перед иностранщиной. В ней неправильно трактуется влияние Англии и английской культуры на Петра и на характер его государственной деятельности. Другой автор, С. А. Фейгина, в критическом обзоре иностранной литературы о Петре за последнюю четверть века, по сути дела, пропагандирует антинаучные взгляды буржуазных, в том числе и фашистских историков, обильно цитируя их грязную клевету на великий русский народ и приводя их лживые теории русского исторического процесса. Советский историк Фейгина не только не отвергает эти фашистские бредни, но, захлебываясь от восторга, об'являет реферируемые ею «труды» весьма ценными, так как «иностранные авторы располагают более свежим материалом, как раз по разделам, смежным с историей Западной Европы».

Немарксистской является и работа научного сотрудника института И. У. Будовница — «Русская публицистика XVI века», получившая, однако, высокую оценку при обсуждении ее на заседании ученого совета института в качестве кандидатской диссертации (опубликована в 1947 году издательством Академии наук СССР). Эта книга была подвергнута резкой, совершенно справедливой критике на совещании коммунистов — научных работников Киевского района Москвы.

Мы не говорим уже об ошибочных, подчас политически порочных книгах, выпущенных институтом по другим отраслям исторических знаний. Назовем лишь «Византийский сборник» и сборник «Средние века» под редакцией Е. А. Косминского (изд. 1946 г.).

Институт не может снять с себя ответственности и за ошибки, допущенные членом ученого совета М. Н. Тихомировым в первой части учебника по истории СССР для педагогических училищ (вышедшем в 1947 году в издании Учпедгиза), а также старшим научным сотрудником института Ф. Нотовичем в книге «Захватническая политика германского империализма на востоке в 1914—1918 гг.». (Госполитиздат, 1947 г.).

Факты идейных срывов в опубликованных Институтом истории Академии наук СССР трудах говорят сами за себя. Они свидетельствуют о том, что, несмотря на большой срок, прошедший после решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, Институт истории до сих пор не взялся по-настоящему за выполнение задач, стоящих перед советской исторической наукой. Отдельные успехи некоторых историков, нашедшие выражение в трудах, удостоенных Сталинской премии, не меняют общей картины. Методологическая слабость, теоретическая отсталость значительной части кадров мешают институту развернуть работу широким фронтом и добиться подлинного творческого под'ема.

Основным и главным препятствием для преодоления крупнейших недочетов и серьезнейших ошибок, имеющихся в деятельности Института истории, является отсутствие в его стенах подлинной критики и самокритики. В институте укоренилась гнилая традиция раболепия перед учеными «авторитетами», хотя бы они и плохо владели марксистско-ленинским методом. Руководители института забыли неоднократные указания товарища Сталина о том, как надо воспитывать кадры. Только этим можно об'яснить тот факт, что дирекция Института истории, зная об антимарксистском характере концепции Веселовского, представила его монографию к изданию, ограничившись предисловием, которое вызывает полное недоумение.

Цель «предисловия», повидимому, заключалась в том, чтобы отметить ошибочность взглядов С. Б. Веселовского, словно речь идет о дореволюционном русском историке или современном буржуазном, а вовсе не о советском, ныне здравствующем ученом. Критикуя методологические установки автора, составители «предисловия» не дают им острой большевистской оценки и ограничиваются лишь признанием, что эти установки «не могут быть приняты современной (!) исторической наукой».

Как бы опасаясь, что Веселовский может обидеться, авторы «предисловия» расшаркиваются перед ним, не скупясь на всяческие комплименты: «Обилие, свежесть и яркость вновь найденного и привлеченного к исследованию материала; громадное количество не известных ранее фактов ...тонкая, филигранная исследовательская техника, — все это позволяет расценивать монографию С. Б. Веселовского как крупное явление в советской (!?) историографии по раннему русскому феодализму». Авторы обнаруживают у Веселовского множество «... глубоких и тонких наблюдений, ценных построений и обоснованных выводов по ряду конкретных вопросов».

Вместо того, чтобы опубликовывать заведомо порочную работу, институт должен был подвергнуть серьезной критике неправильные взгляды С. Б. Веселовского, должен был помочь ему встать на единственно верные, марксистские позиции и коренным образом переработать монографию. Институт не имел права выпустить в свет книгу, способную лишь идейно дезориентировать нашу научную молодежь.

К чему приводит боязнь кого-либо обидеть, видно на примере обсуждения в секторе истории СССР до XIX века сборника «Петр Великий». Это обсуждение состоялось после появления в журнале «Военная мысль» отрицательной рецензии. Работники сектора, во главе с его руководителем С. В. Бахрушиным и редактором сборника А. И. Андреевым, заняли неправильную позицию защитников «чести мундира» института. Единым фронтом они ополчились против рецензента тов. Строкова.

Редактор сборника Андреев в своем вступительном слове сослался на то, что «книга готовилась в 1942—44 гг., а вышла в свет в 1947 г.», что он «не перечитал своей статьи» и что многое из того, что в ней есть, он «не стал бы писать теперь».

Автор другой, еще более ошибочной статьи—С. А. Фейгина — «теоретически» обосновала кон'юнктурщину, которой прикрывался Андреев.

Выступление проф. В. И. Лебедева, разоблачившего политическую вредность обзора Фейгиной, было взято под обстрел. Предложение, сделанное некоторыми из приглашенных лиц, указать Фейгиной, редактору сборника и петровской комиссии института на допущенные ими политические ошибки, не было поддержано. «Чужие» голоса остались одинокими в «семейном» хоре сотрудников сектора истории СССР до XIX века.

На совещании присутствовал зам. директора Института истории В. И. Шунков, но он ни слова не сказал для того, чтобы направить обсуждение по правильному руслу.

Явное неблагополучие в области изучения более древних периодов истории соединяется в институте с недооценкой разработки вопросов новейшего времени, особенно истории СССР советского периода. Тематика института резко повернута в далекое прошлое. Из выпущенных в 1947—48 гг. издательством Академии наук 25 книг по истории нет ни одной, посвященной истории советского государства. В «Исторических записках» за 1947—48 гг. из 25 статей только одна относится к советской эпохе.

История советского общества является самой молодой отраслью работы института. Она едва насчитывает 10 лет существования. Но для ее развития в институте не созданы условия. Непрерывные смены заведующих и их заместителей, отсутствие целеустремленности в работе, текучесть кадров, недостаток высококвалифицированных и опытных работников — все это привело к тому, что сектор истории советского общества до сих пор не выпустил в свет ни одного труда.

Ни одна сколько-нибудь крупная плановая тема ни разу не была доведена сектором до конца.

До Великой Отечественной войны работниками сектора было затрачено много сил и времени на составление научной летописи пролетарской революции. В 1941 году работа эта была прекращена и больше не возобновлялась. В эвакуации (Ташкент) сектор приступил к созданию истории Узбекистана советского периода (т. III). Когда почти все главы были уже в основном написаны, институт вернулся в Москву, и... сектор переключили на разработку истории коллективизации. К концу 1946 года был готов первый сборник по этому вопросу. Но света он так и не увидел. На сей раз поводом послужила реорганизация сектора. Опять перед ним были поставлены новые тематические задачи.

В 1948 году сектор должен дать два крупных исследования: историю СССР в восстановительный период и историю Москвы 1917—41 гг. План этот снова находится под угрозой срыва.

В Институте истории имеется около 100 коммунистов — научных работников. Они могли и должны были бы активно влиять на ход работы. Но этому мешает отсутствие критики и самокритики внутри партийной организации института.

Партия, правительство, товарищ Сталин придают огромное значение исторической науке, ставят перед ней исключительные по своей важности задачи. Для того, чтобы Институт истории Академии наук СССР мог играть ведущую роль в области развития исторической науки в нашей стране, он должен, прежде всего, быть центром страстной и непримиримой борьбы за марксизм-ленинизм. Он должен быстро и решительно изжить имеющиеся в его работе серьезные недочеты и ошибки. Единственный путь к этому—смелая и открытая критика и самокритика.

За новый под'ем азербайджанской советской литературы

Центральный Комитет КП(б) Азербайджана обсудил вопрос о состоянии азербайджанской советской литературы и принял по этому поводу развернутое решение.

За два года после исторических постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам в творчестве азербайджанских писателей наметился некоторый поворот к современной тематике, они создали ряд произведений, которые явились попыткой отобразить участие азербайджанского народа в Великой Отечественной войне, показать образы советских людей, их борьбу за осуществление задач послевоенного строительства.

Азербайджанская художественная проза обогатилась произведениями Абульгасана «Война», Садыхова «Басти», повестями М. Гусейна «Апшерон» и М. Сулейманова «Тайна недр», посвященными труду бакинских нефтяников. В поэзии с новыми стихами о современности выступили С. Рустам, А. Джамиль, молодые поэты А. Бабаев, В. Вахабзаде и другие. Определенная удача азербайджанской драматургии — удостоенная Сталинской премии пьеса Э. Мамедханлы «Утро Востока», о героической борьбе трудящихся Азербайджана за установление советской власти, а также пьеса И. Эфендиева «Светлые пути» — о напряженной борьбе нефтяников за досрочное выполнение планов послевоенной пятилетки.

Но этими произведениями затронута лишь малая часть чудесной, многообразной действительности Советского Азербайджана. На просторах этой республики возводятся крупнейшие новостройки послевоенной пятилетки—Мингечаур, Сумгаит, Дашкесан. На нефтяных промыслах, оснащенных могучей техникой, неуклонно повышается добыча нефти; колхозы, вооруженные передовой советской наукой, неустанно развертывают хлопководство. В созидательном труде стремительно растут замечательные люди Азербайджана, их духовный мир необычайно богат и содержателен, их повседневные интересы всесторонни и широки.

Богатейшая творческая жизнь трудящихся республики, подвиги строителей Мингечаура и Дашкесана, самоотверженная работа нефтяников, колхозников-хлопкоробов, многочисленной интеллигенции городов и сел — все это до сих пор не находит глубокого и правдивого отражения в художественных произведениях.

Как отмечает ЦК КП(б) Азербайджана, «перестройка азербайджанской советской литературы в свете постановлений ЦК ВКП(б) по вопросам идеологической работы проходит совершенно неудовлетворительно. Азербайджанская художественная литература сильно отстает в своем развитии и не отвечает растущим требованиям советского народа». Отставание литературы об'ясняется тем, что большинство писателей оторвано от жизни, отстало от возросших запросов времени.

Еще не все писатели прониклись сознанием величайших перемен в окружающей действительности, не стали в авангарде кипучей, творческой жизни своего народа.

Именно в таком положении оказались, в частности, виднейшие писатели Азербайджана, как Самед Вургун, Сулейман Рустам, Расул Рза, Сабит Рахман и другие. В прошлом они создали немало нужных, идейно целеустремленных и подлинно художественных произведений. Но после того эти писатели не перестроили свою творческую работу в соответствии с указаниями партии и не дали своему народу ни одного сколько-нибудь значительного произведения на современную тему.

Социалистический реализм — творческий метод советской литературы—требует от писателя активного вторжения в жизнь, в практику нашего строительства. Большинство же азербайджанских писателей почти совсем не бывают на промыслах и заводах республики, в колхозах и на новостройках, мало общаются с людьми, пренебрегают изучением жизни, полагаясь лишь на «писательскую интуицию». Понятно, что у многих писателей существуют устаревшие представления о рабочих, колхозниках и интеллигенции, об их политическом и культурном развитии. Основываясь на таких представлениях, многие азербайджанские прозаики, поэты преподносят читателям идейно тусклые, художественно беспомощные произведения с надуманными сюжетами, с трафаретными, схематичными образами, нестройные по композиции и невыразительные по языку.

Недостаточное знание жизни сказалось даже и в тех немногих произведениях, что посвящены современной тематике, стремлению изобразить созидательный труд нефтяников. Второстепенные, малозначительные эпизоды и надуманные конфликты заслоняют в них подлинный героизм тружеников нефти. Даже положительные образы этих произведений не отличаются высокой идейностью, цельностью характеров.

Отставание азербайджанской литературы об'ясняется и тем, что писатели сильно отстают в своем идейно-теоретическом и культурном развитии. Это привело многих писателей к серьезным идейным ошибкам в их произведениях и сказалось, в частности, на романе Абульгасана «Война». В первой части романа автор допустил серьезную ошибку, выразившуюся в непонимании того, что высокие моральные качества советских людей, их патриотизм, национальная гордость были воспитаны партией еще в годы мирного социалистического строительства.

Многие писатели слабо владеют методом социалистического реализма, недостаточно понимают его сущность и принципиальное отличие от критического реализма. До сих пор они пишут произведения, дающие односторонне-негативную и потому неверную оценку нашей действительности. Так, в первой части романа С. Рагимова «Сачлы», в его же «Халаушаги», «Шербат Али», в повестях и рассказах Мир Джалала «Открытая книга», М. Гусейна «Черные глаза» и «Сердце», по существу, культивируется отживший метод критического реализма; советская действительность изображается односторонне, как в кривом зеркале.

Некоторые азербайджанские писатели и критики плохо разбираются в вопросах партийности и народности советской литературы. Они об'являют образцами народности примитивные, идейно неполноценные, художественно слабые произведения, в которых жизнь советских людей изображается упрощенно, путем механического использования фольклорных традиций. Это привело к оправданию примитивизма и консерватизма в литературе, — прежде всего, в азербайджанской поэзии. Многие поэты-псевдонародники охотно и на один лад пишут беспредметные, риторические произведения, воспевают красоту гор, рек, родников, звезд и не замечают величайших перемен, внесенных социализмом в жизнь народа и в самую природу. Псевдонародность и формализм приводят к отчуждению многих писателей от современности, от передовых идей времени, от лучших достижений и реалистических традиций русской и азербайджанской классической и советской литературы, а это ведет к национальной ограниченности.

Такими же недостатками страдает в целом и азербайджанская литературная критика. Она отстала от важнейших вопросов современности и от духовных запросов советских людей, слабо владеет марксистско-ленинской методологией, не развернула принципиальной и последовательной борьбы за большевистскую идейность и партийность азербайджанской литературы, за преодоление писателями формалистических и иных ошибок.

Часть азербайджанских критиков оторвалась от современной советской литературы, безразлично относится к ее насущным проблемам. Другие критики оказались бессильными дать глубокий марксистско-ленинский анализ литературных явлений, разоблачить отсталые взгляды на литературный процесс, выявить методологические пороки в творчестве отдельных писателей, уводящие азербайджанскую литературу с верного пути социалистического реализма на путь отвлеченной романтики и псевдонародности.

В литературоведческих работах подчас проявляется немарксистское отношение к литературному наследству. Творчество писателей прошлого изучается в отрыве от конкретных исторических и социальных условий; реакционность, историческая ограниченность взглядов этих писателей замазываются.

Отмечая все эти недостатки, постановление ЦК КП(б) Азербайджана указывает, что отставание азербайджанской литературы и критики явилось результатом неудовлетворительной работы Союза советских писателей Азербайджана, его президиума. Руководство союза не сделало всех необходимых выводов из исторических постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и не сумело в должной мере перестроить работу писателей республики в соответствии с задачами, поставленными перед литературой большевистской партией и советским народом.

В Союзе советских писателей Азербайджана отсутствуют критика и самокритика, процветают приятельские отношения, имеют место мелкие интриги, болезненное самомнение и заносчивость у отдельных писателей. Творческие секции союза бездействуют; воспитание молодых писателей поставлено неудовлетворительно.

ЦК КП(б) Азербайджана наметил практические меры по устранению ошибок и недостатков в азербайджанской советской литературе. Он обязал правление Союза советских писателей Азербайджана добиться коренного улучшения творческой работы писателей, ликвидации их отрыва от жизни.

Создавая полноценные в идейном и художественном отношении произведения, отображающие жизнь нефтяников, колхозников и интеллигенции республики, их массовый героизм, азербайджанские писатели обязаны дать глубокий и вдумчивый анализ их борьбы на трудовом фронте, протекающей в непрерывном наступлении на все косное, отсталое, рутинное, мешающее нашему движению вперед. Произведения азербайджанских писателей должны в художественных образах раскрывать сталинскую дружбу и братство советских народов, показывать преимущества социалистического строя перед капиталистическим, вести решительную борьбу с низкопоклонством перед буржуазной культурой.

Постановление ЦК КП(б) Азербайджана указывает пути нового под'ема и развития азербайджанской советской литературы.

ГЕНИАЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК

С. БЫЧКОВ

Толстой вошел в историю русской литературы как величайший художник-новатор. Он был глубоко убежден в том, что искусство, так же, как и жизнь, находится в состоянии непрерывного развития, оно не терпит застоя. Поэтому писатель должен постоянно искать новое содержание и новые формы для своих произведений, ибо искусство «должно быть современным — искусством нашего времени».

Толстой внес в литературу неукротимый дух исканий. Он явился изумительным мастером психологического анализа. Н. Г. Чернышевский проницательно раскрыл эту особенность творчества русского писателя. Великий критик дал классическое определение творческой стихии Толстого, установив, что в отличие от других писателей его более всего интересует «самый психический процесс, его формы, его законы, — диалектика души, чтобы выразиться определительным термином». Но главное, что отличало его, — это было новое видение мира. Толстой смотрел на мир пытливыми глазами наивного крестьянина, человека труда, тесно связанного с природой. Это и позволило ему увидеть всю фальшь и ложь цивилизации господ. А новое видение мира обусловило создание произведений, отличительными чертами которых являются самая трезвая правда, необычайная искренность, огромная сила обличительного пафоса и высокие нравственные идеалы.

После отмены крепостного права в 1861 г. старые патриархальные порядки под влиянием капитализма рушились с невиданной быстротой, вызывая огромное разорение народных масс. «Вот эта быстрая, тяжелая, острая ломка всех старых «устоев» старой России и отразилась в произведениях Толстого-художника, в воззрениях Толстого-мыслителя», — писал Ленин. Толстой переживает подлинную духовную драму. По рождению и воспитанию он принадлежал к высшему дворянству, но под влиянием огромных социальных потрясений в стране Толстой порывает со всеми привычными взглядами своего класса и становится выразителем интересов многомиллионных масс русского патриархального крестьянства. Русский народ питал творческую мысль великого художника. Это и обусловило величие Толстого. Тесная связь с народом определила и все отличительные особенности его искусства.

Правда, Толстой понимал народ, только как стихийную «роевую» силу исторического процесса. И в этом заключалось глубокое отличие его позиции от позиции революционных демократов, взоры которых были также прикованы к народу.

Революционные демократы не становились на колени перед «тишайшим» русским мужичком, не умилялись его мнимыми добродетелями, они страстно восставали против проявлений «рабьей» психологии в русском крестьянстве, являющейся в нем следствием многовековой жизни на положении «крещеной собственности», они всемерно пробуждали и стимулировали революционную активность народа, стремясь направить ее на свержение крепостничества.

Толстой же, напротив, относясь глубоко отрицательно к революционным методам преобразования действительности, считал патриархального мужика воплощением высшего нравственного идеала, наиболее цельным человеком, живущим в полном соответствии с законами природы. Интеллигенция, по мысли Толстого, не может учить этого мужика, а должна сама учиться у него, она обязана постичь основы его «нравственной жизни» и затем стать на путь опрощения. Именно в этом был пафос толстовской теории нравственного самоусовершенствования.

Идея духовного единения с народом волновала Толстого с первых дней его сознательной жизни. Пафосом этого единения проникнуты его «Севастопольские рассказы». Дворянский рефлектирующий интеллигент Нехлюдов из «Утра помещика», пораженный цельностью натуры крестьянского парня Илюшки, желал бы быть таким же, как он. Герой «Казаков» Оленин, охваченный поэзией простой и правдивой жизни казачества, видит воплощение своего нравственного идеала в казаке Лукашке и решает стать простым казаком. Однако ни Нехлюдов, ни Оленин не достигают желаемого идеала. Исканием путей сближения с народом охвачены также князь Андрей и Пьер Безухов, герои величественной эпопеи Толстого «Война и мир».

Пафос «Войны и мира»—в поэтизации патриотизма и героизма русского народа; борьбе народа с наполеоновскими полчищами посвящены самые вдохновенные страницы романа. Близость к народу определяет моральные качества героев произведения. Чем ближе герой к народу, тем богаче и разнообразнее его духовная жизнь, одареннее его натура, благороднее и милее весь его облик.

Накануне Бородинского сражения князь Андрей остро переживает тревогу за судьбы родины и русского народа. Его ненависть к французам достигает высшего предела. «Французы разорили мой дом и идут разорить Москву, оскорбили и оскорбляют меня всякую секунду, — рассуждает он. — Они враги мои, они преступники все по моим понятиям. И так же думает Тимохин и вся армия. Надо их казнить».

Пьер, приехавший в этот вечер в Бородино, соглашается с князем Андреем. После разговора с ним все виденное за этот день, все величественные картины приготовления к сражению стали для Безухова ясны и понятны, действия многочисленных людей были проникнуты глубоким и чистым патриотическим чувством. «Он понял теперь весь смысл и все значение этой войны и предстоящего сражения...» За минувшие годы Пьер пережил многое, но только здесь, на Бородинском поле, он встретил простых русских людей, и эти доселе неведомые ему люди открыли перед ним новый мир естественных и благородных чувств, они возбудили в Пьере огромное желание переменить всю свою жизнь. Стать проще и естественнее, «быть солдатом, просто солдатом».

В плену Пьер встречается с Каратаевым, который кажется ему олицетворением простоты и правды. Каратаев, несомненно, воплощает в себе некоторые черты наивного патриархального крестьянства. Но перед нами не живая личность, а идеализированный образ, в нем нет ничего от реального солдата, почти невозможно представить себе Каратаева с оружием в руках. Каратаев лишен черт индивидуального человека. Он одинаково безучастно относился к добру и злу. В сущности, об'ективный смысл образа Каратаева заключается в апологии пассивности и невинного страдания. Не борьба с такими условиями жизни, которые обрекают людей на страдания, а умиление и любование самими страданиями — вот к чему зовет Каратаев. На создании этого образа наиболее отчетливо проявились реакционные черты идеологии Толстого, его проповедь непротивления злу насилием.

Все заклятые враги русского народа, разные фальсификаторы и в истории и в литературе пытались до самого последнего времени истолковывать образ Каратаева как воплощение подлинно русского национального характера. Но в их неумных писаниях не было ни грана исторической правды, они стремились оклеветать русский народ. Да и сам Толстой в этом же романе создал подлинный апофеоз патриотизму и героизму народа, который активно боролся с врагом. Этому народу были глубоко чужды каратаевское смирение и непротивление.

В осмыслении исторических причин, вызвавших 1812 год и последствия Отечественной войны, Толстой приходит к глубоко ошибочным выводам. Он утверждает, что все исторические события предопределены свыше, что на всем лежит печать фатализма, обрекающего исторического деятеля на роль пассивного созерцателя событий. Эта теория и определила характер ряда образов романа и прежде всего образа Кутузова.

Исторический Кутузов был гениальным полководцем, все его военные операции отличались глубиной стратегического замысла. Отечественная война 1812 года, в ходе которой он, по словам товарища Сталина, «загубил Наполеона и его армию при помощи хорошо подготовленного контрнаступления», явилась триумфом полководческого искусства Кутузова, которое оказалось выше полководческого искусства Наполеона. Между тем на страницах «Войны и мира» мы видим Кутузова лишь мудрым наблюдателем, ничему не мешающим, но ничего не организующим.

Среди историко-философских рассуждений Толстого основополагающее значение имеет следующее: «Если допустить, что жизнь человеческая может управляться разумом, — то уничтожится возможность жизни». В этой формуле как бы сконцентрирован смысл всех исторических и военно-теоретических отступлений романа, преследующих цель умалить роль человека в исторических событиях. В настойчивом стремлении Толстого принизить значение разума в жизни нельзя не видеть определенного полемического задания романа. Поэтизируя стихийные законы жизни, Толстой тем самым выражал несогласие со взглядами разночинцев-шестидесятников, которые, по его мнению, слишком много надежд возлагали на разум. Особенно воспевал разум Д. Писарев в статьях, появлявшихся в печати в годы самой напряженной работы Толстого над «Войной и миром».

В романе «Анна Каренина» Толстой с напряженным вниманием всматривается в пореформенную общественную жизнь России. Многое глубоко чуждо ему в этой жизни. Рухнули крепостнические порядки, в стране «укладывался» буржуазный строй. Социальные сдвиги эпохи определяли судьбу многочисленных действующих лиц романа, вносили в их жизнь атмосферу неуверенности, тревоги и катастрофичности. Все тронулось со своих мест, все находится в пути, и не видно пока станций назначения. На всю жизнь легли густые тени кризисной, переломной эпохи.

Герой романа Константин Левин переживает духовную драму. Это его устами Толстой метко и выразительно определяет сущность происходящих социальных перемен: «У нас теперь, когда все это переворотилось и только укладывается, вопрос о том, как уложатся эти условия, есть единственный важный вопрос в России...» Ленин в статье «Л. Н. Толстой и его эпоха», приведя эти слова Левина, пишет: «трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861—1905 годов».

В романе «Воскресение», явившемся в русской литературе вершиной критического реализма, Толстой поставил ряд важнейших социальных и политических вопросов.

Толстой создает потрясающие картины вымирания крестьян в деревне. Страшный образ «ребеночка в скуфеечке» является символом безмерности народных страданий. Страницы романа о русском крестьянстве, написанные Толстым под живым впечатлением опустошительных голодовок девяностых годов, звучали набатным призывом ко всем передовым людям русского общества —поспешить на помощь мужику, «нашему кормильцу и... учителю». Писатель справедливо видел главную причину бедственного положения крестьянства в том, что «у народа была отнята землевладельцами та земля, с которой одной он мог кормиться».

Еще ни в одном из своих предшествующих произведений Толстой не подвергал такому беспощадному разоблачению все институты буржуазного общества — казенную церковь, суд, милитаризм, буржуазную мораль, как он это делает в «Воскресении».

Толстой убежден, что будущее принадлежит народу, что не аристократы, а люди труда уже теперь составляют «большой свет». Но как сделать, чтобы народу стало лучше, как сделать, чтобы не было худеньких мальчиков в скуфейках, чтобы не вымирали мужики от голода, чтобы не было невинно осужденных, чтобы не было в обществе лжи и обмана, чтобы богатые и сытые не глумились над трудовым народом, — на все эти вопросы Толстой не мог дать правильного ответа. Он полагает, что спасение человека заключается в его нравственном самоусовершенствовании, а наиболее действенным средством борьбы с «царствующим злом» является непротивление злу насилием. Своей проповедью всепрощения, всеобщей любви Толстой наносил величайший вред освободительному движению, вред тому самому угнетенному, обиженному, замордованному и распятому всякими палачами и насильниками человеку, во имя защиты прав которого он написал столько прекрасных и мужественных страниц.

Своими беспощадными обличениями «царствующего зла» Толстой наполнял душу читателя гневом, заражал его решимостью смести до основания все это гнусное здание насилия над человеком,— и здесь он защищал человека, верил в него, в его прекрасное будущее; но своей юродивой проповедью непротивления злу насилием он разоружал народ перед лицом врага.

«Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого, — указывал Ленин, — действительно кричащие... Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества... Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России... Противоречия во взглядах Толстого... — действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции».

В произведениях Толстого отразились и сила и слабость массового крестьянского движения в России. Благодаря гениальному освещению Толстого целая историческая эпоха в жизни народа, эпоха подготовки первой русской революции выступила «как шаг вперед в художественном развитии всего человечества». Раскрывая глубокие исторические корни проповеди Толстого, Ленин писал: «Великое народное море, взволновавшееся до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми сильными своими сторонами отразилось в учении Толстого».

Толстой был великим гуманистом, поборником мира и справедливости.

В одной из своих статей, разоблачая империалистов, готовивших новую войну, он предостерегал: «... Что же мы этих людей оставляем в покое, а не бросаемся на них и не рассаживаем всех этих императоров, королей, министров, генералов по смирительным заведениям? Ведь разве не очевидно, что они задумывают и приготовляют самое ужаснейшее злодеяние и что если мы не остановим их теперь, злодеяние совершится не нынче, так завтра...»

В наши дни, когда борьба демократических народов мира против гнусной пропаганды войны, ведущейся наймитами англо-саксонского блока, принимает все более действенный характер, великие произведения Толстого помогут трудящимся лучше узнать своих врагов.

Валентин БЫЧКО

РАЗГОВОР С ДЕТЬМИ

ЗАВТРА, 9 сентября, в Киеве открывается республиканское совещание детских писателей.

Советская литература для детей—одно из замечательных завоеваний нашей социалистической культуры.

Первые детские книги появились на Украине сразу же после гражданской войны. Для детей писали наши прозаики и поэты старшего поколения, успешно продолжают их почин молодые писатели.

Воплощать коммунистические идеи в художественных образах наши детские писатели учились и учатся по произведениям М. Горького, В. Маяковского, А. Гайдара, С. Маршака, С. Михалкова и других русских писателей. Благотворное влияние русской советской литературы идейно и творчески обогащало детских писателей Украины. Благодаря этому детская украинская литература, оставаясь национальной по форме, успешно росла и развивалась, внося свой вклад в многонациональную советскую литературу для детей.

Наши лучшие детские авторы всегда стремились рассказывать в своих книгах о советской действительности, активно вторгаться в жизнь. Примером может служить творчество замечательного украинского писателя, любимца детей — Н. Трублаини. Его судьба схожа с судьбой А. Гайдара. Н. Трублаини тоже пал смертью храбрых в дни войны. Как писатель, он тоже был ярым врагом кабинетной замкнутости, часто общался с детьми, участвовал в их делах и путешествиях и книгами своими дружески направлял их порывы и мечты.

Желание писателей активно вмешаться в жизнь, полнее и глубже изобразить нашу действительность сказалось и в том под'еме, который переживает теперь украинская детская литература.

Старейшая детская поэтесса Украины Н. Забила написала книгу стихов «Наша Родина». Замечательна, так сказать, пространственная широта этой книги. Здесь стихи и о городе Гори, где родился великий Сталин, и о наших морях, и о лесах Сибири, и о плотине Днепрогэса, и о колхозах, заводах, шахтах. Маленький читатель видит из края в край нашу страну и ее людей в неустанном созидательном труде. Стихи Н. Забилы легко запоминаются.

Примечательна удача именно этой книги. Здесь у автора исходная позиция, исходный материал — сама наша действительность, дела и мысли советских людей. Для выражения их поэтесса находит новые изобразительные средства, новые ритмы стиха. Когда же идеи нашего времени она пытается вложить в старые традиционно-сказочные образы, — приходит неудача.

Такова, например, сказка Н. Забилы «Светолюб-богатырь». Народ предстает в сказке, как безликая масса, и не он сокрушает злые силы, а аллегорический вожак-одиночка, который лишь пользуется некими «волшебными» силами народа.

Современности, многообразным делам и заботам советской детворы посвящены книжка стихов И. Неходы «Праздник», новые стихи М. Пригары, И. Муратова. Значительна поэма молодой писательницы М. Познанской «В колхозе «Перемога». Устами юного героя этой поэмы правдиво рассказано об одном из украинских колхозов, как частице всего нашего государства. Поэтесса изобразила дружный коллектив колхозников, передала поэзию их радостного труда в послевоенные годы. Картины полевых работ, эпизоды на ферме, в овощеводческой бригаде вызывают у юных читателей живой интерес к колхозному производству. В художественной форме поэма выражает мысль о сочетании общественного и личного в труде на благо народа.

Содержательны три небольшие поэмы П. Воронько о советских детях — «Три счастья». Они повествуют о том, как в дни войны на территориях, оккупированных немцами, наши дети оставались верны своей большой Родине, «сердцем находили дорогу к Москве». После войны юные герои поэм деятельно помогают взрослым в созидательном труде на освобожденной земле.

Тему, совершенно новую для украинской детской литературы, разрабатывает поэт Б. Чалый. Он пишет стихи о жизни детей за рубежом —о маленьком партизане Греции, помогающем в борьбе против англо-американских колонизаторов, о китайской девочке, которая находит счастье на земле, освобожденной Народно-революционной армией.

Неплохие произведения для детей создали украинские прозаики. В книге А. Копыленко «Хата хлопчика Мизинчика» повествуется о восстановлении колхозного села после войны. Маленький Мизинчик видит тесное содружество колхозников и осознает существо новых социалистических отношений.

Молодой писатель-фронтовик, Герой Советского Союза Ю. Збанацкий выступил с повестью о детях-партизанах — «Тайна Соколиного бора». Дети в повести, как это было и в жизни, действуют, прежде всего, как помощники взрослых; их воспитывают коммунисты отряда.

Из новых произведений можно назвать еще повесть А. Турчинской «Звезды на Верховине», «Повесть о новом доме» О. Донченко и другие. Они также говорят о серьезном повороте наших писателей к вопросам современности.

И все-таки наша литература для детей, особенно в прозе, сильно отстает от жизни и растущих запросов советской детворы. Попрежнему узка, ограниченна тематика книг. Поразительно, но факт: до сих пор, например, писатели не рассказали детям о бурном индустриальном росте родной республики, о замечательных ее людях — знаменитых шахтерах Донбасса и Криворожья, строителях Днепрогэса, стахановцах заводов и колхозов, об ученых.

Беда в том, что не все детские писатели Украины как следует изучают нашу действительность. Нередко о детях пишут лишь по воспоминаниям собственного детства. Именно поэтому из поля зрения писателей почти совершенно выпала детская коммунистическая организация юных пионеров. Вся жизнь детей, их воспитание, формирование характера связаны со школой и пионерской организацией. А у нас еще нет ни одной книги, которая рассказывала бы о пионерском звене, отряде, дружине. Не затронута интереснейшая тема— о работе пионеров в подполье в годы войны. В книгах о послевоенной жизни тоже трудно найти что-либо о пионерах, — почти не упоминается даже само это слово.

Вообще писатели мало вникают в жизнь детского коллектива, в процессы, происходящие в нем. Если в книгах выступают героями дети, то это чаще всего одиночки, мало связанные с коллективом, действующие по какому-то внутреннему наитию. Так, в повести Л. Юхвида «Митько Конюшенко» мальчик совершает невероятные подвиги и притом единолично, по собственному разумению.

В деревнях наши колхозные ребята активно участвуют в борьбе с вредителями сельского хозяйства. Сама эта работа предполагает действие большого коллектива и дает писателю благодарный материал для воспитания в детях чувства коллективизма. Однако в новой повести О. Донченко «Заповедное слово» все совершается индивидуальным подвигом девочки Докийки: она выходит в поле и одна собирает «жука-кузьку», совершая это как некое таинство.

Особо надо сказать о проблеме изображения природы в детской литературе. Познание природы — важный фактор в материалистическом понимании мира. И подход писателя тут может быть только один: это материалистическое освещение явлений природы и происходящих в ней процессов, изображение активного воздействия человека на природу. В повести же О. Донченко природа постоянно реагирует на действия человека, как некая разумная, живущая своей отдельной жизнью, самодовлеющая сила. В итоге выходит, что не реальный, мыслящий человек, переделывающий природу, является основной силой жизни, а сама природа с ее тайнами и секретами, мало доступными людскому пониманию. Все это тем более вредно, что разговор идет с детьми!

Этот пример поучителен. О. Донченко—талантливый писатель, он создал много интересных книг для детей. Но отсутствие глубокой и своевременной критики привело писателя к серьезным идейным срывам.

Здесь уместно сказать, что вообще наша критика почти не интересуется детской литературой. Поверхностные, случайные рецензии о детских книгах, появляющиеся в печати, ничему не учат ни авторов, ни читателей. В начале этого года республиканская молодежная газета «Сталинское племя» выступила с превосходной инициативой — она организовала на своих страницах дискуссию по вопросам детской литературы. Но и эта дискуссия не дала больших результатов, прежде всего, потому, что большинство критиков и ведущих наших писателей не приняли в ней участия.

К сожалению, президиум ССП Украины тоже не занимается вопросами детской литературы. Он отдал их на попечение секции детской литературы при Киевской организации ССПУ, а эта секция, лишенная всякой помощи, оказалась не способной плодотворно руководить делом.

Мы надеемся, что совещание детских писателей послужит толчком к новому под'ему детской украинской литературы, уже завоевавшей любовь и доверие миллионов своих юных читателей.

И. ЗВАВИЧ

Профессор Хаксли недоволен...

Джулиан Хаксли, профессор-биолог, член «мозгового треста» Би-би-си (Британской радиовещательной компании), принимал участие в конгрессе в защиту мира во Вроцлаве. Не успев даже вернуться из Польши в родной его сердцу аристократический Оксфорд, он уже поспешил поведать всем о своем недовольстве.

Находясь проездом в Париже, Хаксли дал интервью, в котором сообщил, что недоволен: а) конгрессом в целом, б) прениями на конгрессе, в) в особенности и в частности выступлениями советских делегатов на конгрессе и г) принятым конгрессом обращением.

Впрочем, профессор Хаксли признал, что самим собой он также недоволен. Не следовало ему, Хаксли, ездить во Вроцлав и, тем более, председательствовать на одном из заседаний конгресса. Ничего ему, Хаксли, сделать на конгрессе не удалось; он и его единомышленники были на конгрессе совершенно одиноки.

Профессор Хаксли позабыл при этом сообщить, что он не решился открыто и немедленно подать свой голос против принятого конгрессом обращения к интеллигенции мира. Хаксли ушел с конгресса, отнюдь не хлопнув дверью, а незаметно, «по-английски», стараясь не обратить на себя внимания.

Профессор Хаксли заявил, что стремился к «примирению культур Запада и Востока». Такое примирение, по словам профессора Хаксли, на конгрессе состояться не могло, ибо конгресс увлекся «политическими вопросами».

Можно подумать, что мистер Джулиан Хаксли политикой не занимался и не занимается.

Между тем, будучи биологом, профессор Хаксли отнюдь не чужд политики как таковой. Он не только состоит в должности генерального секретаря ЮНЕСКО и в качестве такового находится, так или иначе, в подчинении у г. Бевина и у г. Макнейла, инструктирующих его, как ему себя вести. По линии Би-би-си профессор Хаксли также находится на постоянной службе, но уже у главы британского радиовещания — лорда Галифакса мюнхенского. «Мозговым трестом», который утверждает, что он дает ответы «на все вопросы», заправляет, как известно, этот бывший министр иностранных дел Великобритании, а чиновники Би-би-си направляют деятельность мистера Хаксли, когда он выступает у микрофона.

Как мы видим, мистер Хаксли весьма причастен к политике, и все дело попросту в том, что не всякая политика ему нравится.

Наконец, и самое направление, которое Хаксли представляет в биологии, тоже отнюдь не аполитично.

Он является сторонником так называемой «евгеники» или лженауки о человеководстве. «Евгеника» — одна из составных частей гитлеровской доктрины о «расовом превосходстве» одних народов над другими. Профессор Хаксли мог справедливо принять на свой счет тот раздел обращения конгресса деятелей культуры в защиту мира, которое гласит:

«Однако вопреки воле и желанию народов всех стран, кучка корыстных людей в Америке и Европе, унаследовавшая от фашизма его идеи расового превосходства и отрицания прогресса, усвоившая его стремления разрешать все вопросы силой оружия, вновь покушается на духовные достояния народов мира».

Уточним: сам профессор Хаксли не принадлежит к этой «кучке корыстных людей». Но, как один из сторонников и распространителей «евгеники», он показал себя научным оруженосцем этой самой кучки. Мало того, профессор Хаксли в последнее время не раз выходил за пределы своей непосредственной научной специальности и выступал со статьями по вопросам «управления колониальными народами». В этих статьях профессор Хаксли защищал колониальную политику британского империализма с позиций, отражающих интересы той же «кучки корыстных людей».

Таким образом, следует прежде всего отвергнуть заявление профессора Джулиана Хаксли о том, что его «научно-культурная деятельность» не носит политического характера.

Профессору Джулиану Хаксли, который так настойчиво противопоставляет свою «западную» культуру культуре «азиатского Востока», на конгрессе весьма убедительно возражал английский ученый Холдейн. Имя профессора Холдейна хорошо известно в Англии и за ее пределами не только как имя ученого, тоже специалиста-биолога. Он завоевал себе достаточно широкую популярность и как крупный прогрессивный общественный деятель.

В своем выступлении на конгрессе Холдейн отметил, что напрасно было бы делить людей науки или деятелей литературы и искусства по такому географическому признаку, как «восток» и «запад»; опыт свидетельствует о том, что в любом пункте земного шара существует два лагеря — демократии и реакции, и линия разграничения между работниками культуры зависит вовсе не от их местопребывания, а лишь от их принадлежности к тому или другому лагерю. В частности, Холдейн подтвердил, что в Лондоне, Оксфорде и Кэмбридже эта линия тоже налицо. Вы, мистер Хаксли, сами себя поместили в лагерь реакции и поэтому заслужили неодобрение всех демократических сил, в том числе и у себя дома — в самой Англии.

На конгрессе у Хаксли было немного сторонников. Хаксли успел только, занимая в течение недолгого времени председательское место, пригрозить выступавшим, что будет обрывать всякого, кто начнет делать политические выводы из анализа реакционных идеологий Америки и Англии. Видимо, отправляясь на конгресс, Хаксли полагал, что примет участие только в салонном разговоре на «культурные» и «интеллектуальные» темы, в «игре ума»; оказался же он среди людей, которые всерьез готовы вести борьбу за мир, прогресс и демократию и этой своей готовности ни от кого и никогда не скрывают. Тогда он решил «использовать» свои председательские права, но окрик Хаксли не смутил никого из деятелей культуры, — они продолжали свои выступления в защиту мира под громкое одобрение подавляющего большинства участников конгресса.

А дело все в том, что на конгрессе, где были представлены деятели культуры всего мира, а не штатные сотрудники Би-би-си и «Голоса США», Хаксли потерпел большое поражение. Этим-то и обеспокоен господин Хаксли, выражая опять точку зрения не только свою, но и «кучки корыстных людей» — своих полновластных хозяев!

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ

Трагедия американских горняков

Катастрофы в американских шахтах стали рядовым, чуть ли не повседневным явлением. «Взрыв на шахте «Централия» № 5» — так озаглавлена статья, помещенная в американском журнале «Харперс Мэгэзин».

Сто одиннадцать горняков погибли при взрыве в шахте № 5. Взрыв был неминуем из-за скопления огромного количества угольной пыли. Для того, чтобы предотвратить катастрофу, следовало прекратить работу на некоторое время, но владельцам компании это было невыгодно.

Шахтеры понимали, какая опасность им грозит ежедневно и ежечасно. Они просили власти штата Иллинойс вмешаться и заставить компанию принять срочные меры для предотвращения катастрофы. Но власти нашли, что положение вовсе не столь опасно... Тогда шахтеры направили письмо губернатору штата Дуайту Грину; журнал приводит этот трагический документ, звучащий, как крик о помощи. «Несколько лет назад, — писали горняки, — после катастрофы в Гиллеспи, мы видели в газетах фотографии, на которых вы были изображены спускающимся в шахту, чтобы лично выяснить причину взрыва. Мы предупреждаем вас о необходимости, пока не поздно, исправить положение, могущее привести нас к еще более страшной катастрофе...»

Губернатор Грин оставил письмо горняков без ответа.

Гибель ста одиннадцати человек обошлась угольной компании исключительно дешево; капиталисты были оштрафованы на 1.000 долларов, и, следовательно, каждая шахтерская жизнь им обошлась менее, чем в десять долларов.

Катастрофа на «Централии» типична для жизни и быта американских горняков. Даже по официальным статистическим данным, в течение прошлого года на шахтах Америки погибло и было изувечено более 64 тысяч рабочих.

Даже столь преданный капиталистам чиновник, как начальник отдела техники безопасности шахт США Харрингтон, признает, что «эти люди не должны были погибнуть. 95 процентов всех катастроф в шахтах, включая взрывы и пожары, можно было предотвратить».

«Они могли остаться в живых, но это обошлось бы дороже владельцам шахт. Убийство оказалось выгоднее», — подчеркивает «Дейли уоркер». Вот почему и конгресс США не думает принять закон, который об'явил бы преступлением всякое нарушение правил безопасности. Конгресс не желает вводить в расход магнатов угольной промышленности...

ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

НРАВЫ ЮСТИЦИИ ЛИНЧА

Один американец обвинил свою жену, с которой он был в разводе, в том, что она якобы является коммунисткой. Под этим предлогом он хотел отсудить у нее ребенка.

Судья нашел, однако, что у «истца» нет достаточных данных, говорящих о том, что его бывшая жена действительно коммунистка. «Но, — заметил судья, — если было бы малейшее доказательство того, что это так, я, несомненно, лишил бы подобную мать ребенка. Более того, я считаю, что у всех американских коммунистов следует вообще отнять детей».

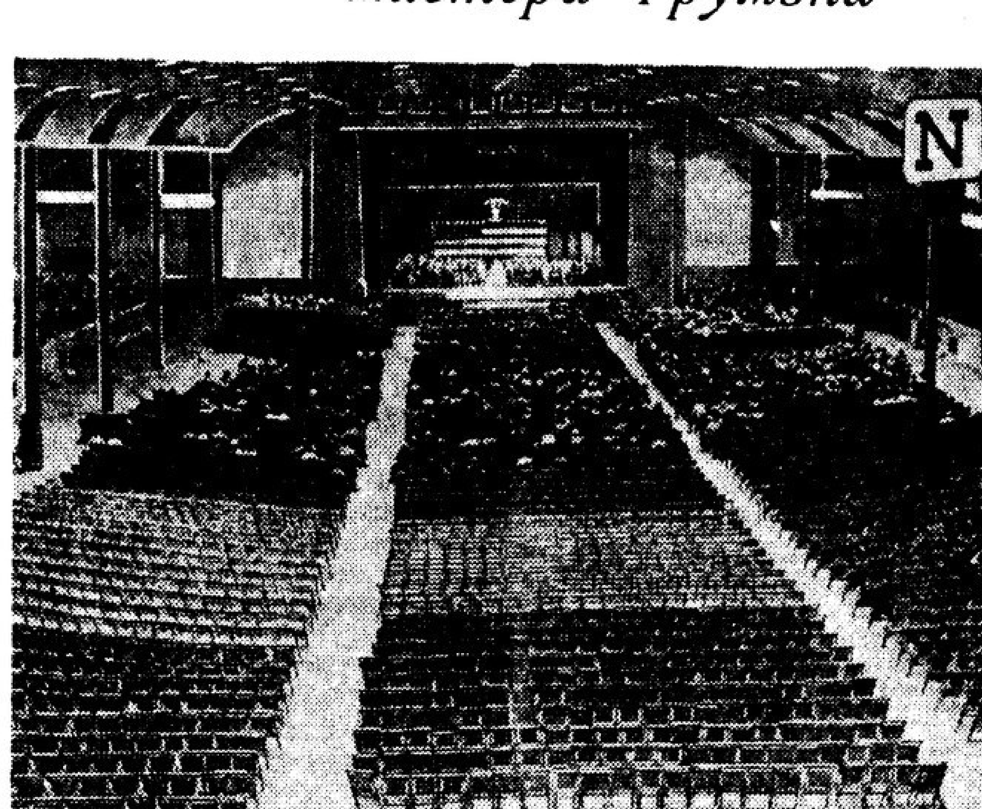
Кто-то из публики спросил: «А как бы вы поступили, если бы родители ребенка были членами партии Уоллеса?» — «Точно так же», — ответил судья.

НЕ ВСЕ ЛИ РАВНО?

Недавно в Вуппертале (Западная Германия) открылась выставка работ американского художника-футуриста Поля Фонтэйна. Местная критика на все лады расхваливала его творчество, и польщенный художник, как сообщает газета «Базлер Нахрихтен», решил лично посетить выставку.

Каково же было его изумление, когда он, войдя в зал, увидел все свои «абстрактные полотна» висящими... вверх ногами!

Провалившаяся гастроль мистера Трумэна

Неустойчивая температура в Америке — предвыборная пора. Перед умственным взором президента Гарри Трумэна в эти дни проходят его деяния, и, может быть, его гложет червь сомнения. Подумать только, — как «мало» за эти три с небольшим года сделано! Растоптано завещание Рузвельта. Отобраны демократические свободы. Изданы антирабочие законы. Ведется «холодная война» против стран народной демократии... Но господин Трумэн чувствует себя способным довести свою страну до полной катастрофы. И он жаждет продления своего президентства. Однако, как это сделать?

Разумеется, одних долларов недостаточно. Здесь требуется гарнир, состоящий из демократического щебетания, добродетельной полицейской дубинки и оглушительной рекламы.

На одном из помещенных здесь фото представлены Гарри Трумэн и собака.

На стуле плакат: «Представитель собачьего питомника пес «Так» приветствует президента Трумэна». Этот снимок, повидимому, призван подтвердить ту мысль, что даже собаки всецело одобряют политический курс нынешнего президента.

Другая фотография сделана в г. Омаха (штат Небраска), где происходила очередная предвыборная гастроль президента Трумэна. В расчете на большой наплыв слушателей был подготовлен специальный зал. Весьма нетрудно заметить, что президент расточает свое красноречие перед значительным скоплением пустых кресел. Может быть, господина Трумэна несколько утешает, что про зал, который на две трети пуст, можно сказать, что он на одну треть полон.

Выходит — у американцев есть своя точка зрения на «заслуги» президента.

М. ЗИМИН

Письмо из Италии

Кто стрелял в Пальмиро Тольятти

Четыре выстрела в Тольятти глубоко потрясли итальянский пролетариат и всех честных трудящихся. Итальянский народ расценил их как наглый вызов своему будущему, как сигнал о наступлении реакции на завоеванные им с таким трудом права.

Стихийно возникшая всеобщая стачка, которая с молниеносной быстротой охватила всю страну, отразила силу и степень народного гнева, явила собою замечательную демонстрацию солидарности трудящихся, свидетельствующую об их высокой политической зрелости.

Реакционный лагерь реагировал на покушение со смешанным чувством удовлетворения и беспокойства. В аристократических салонах ликовали и провозглашали тосты за Палланте, в кругах католического духовенства благодарили всевышнего за то, что он покарал «красного дьявола».

Испугавшись народного возмущения, демо-христианская партия вначале столь же поспешно, сколь и неискренно «осудила» террористический акт Палланте. Де Гаспери посетил клинику, где находился Тольятти. Он тоже «осуждал» и тоже «соболезновал», хотя от каждого его слова разило фальшью и лицемерием. И он подтвердил это тем, что спустя несколько дней, выступая в парламенте, говорил уже не о преступлении Палланте и не о строгом расследовании злодеяния, а о «преступном поведении» рабочих, стихийно прекративших работу.

Обо всем этом необходимо вспомнить сейчас, ибо в выступлении де Гаспери была выражена та самая линия, какой ныне придерживаются правящие круги в своей политике разнузданных полицейско-террористических расправ над народными массами и откровенного покровительства неофашистским организациям.

Подлая месть — вот ответ министра внутренних дел трудящимся, которые посмели взяться за оружие стачки. Семь тысяч арестов — таково арифметическое выражение этой политики мести в первые же дни после покушения на Тольятти.

***

Что касается фашистского террориста Палланте, то стремление изобразить его «больным фанатиком» и «одиноким преступником», обнаружившееся в первом же официальном сообщении министерства внутренних дел, ныне все более усиливается.

Все это — попытки с явно негодными средствами. Преступление Палланте, в котором он играл только роль исполнителя, планомерно и заблаговременно подготовлялось людьми, стоящими за его спиной и имеющими непосредственное отношение к реакционно-фашистским и заокеанским кругам.

Палланте прибыл в Рим из Сицилии на деньги, предоставленные ему местными помещиками — фашистами. Сам он был в Рандаццо председателем местной секции фашистской организации «Уомо куалюнкуе». Не без его участия, разумеется, установилась в Сицилии та разнузданная атмосфера помещичье-фашистского террора, в результате которой за полтора года предательски убиты выстрелами из-за угла 36 профсоюзных активистов. Жертвой фашистского террора стал также секретарь профсоюза батраков Канджиалоси, сраженный пулеметной очередью в момент возвращения из Палермо, куда он выезжал для участия в работах сессии Всеобщей конфедерации труда, созванной в знак протеста против политического террора. Никто из виновных во всех этих преступлениях до сих пор не разыскан и тем более не осужден. Из этих фактов явствует, что тот же Палланте, находясь в Сицилии, накопил кровавый «опыт» террориста, доказал тем самым своим покровителям, что ему можно доверить и более серьезные задания.

По прямому указанию свыше власти, ведущие следствие по делу Палланте, явно стараются всего этого не замечать. Больше того: вопрос о том, кто вложил фашистскому террористу в руки револьвер, кто снабдил его маршрутом, кто дал ему пропуск в итальянский парламент, где Палланте впервые увидел Тольятти в лицо, кто указал ему под'езд, из которого Тольятти вышел в день покушения на улицу, — даже не подымается. Точно так же тщательно обходится и то обстоятельство, что оба карабинера, на глазах которых стрелял Палланте, не схватили его сразу после первого выстрела, а стояли, не шелохнувшись, до тех пор, пока не были выпущены четыре пули...

Демо-христианское правительство не сочло теперешнего министра внутренних дел Шельба ответственным за все происшедшее. Шельба не только остался на своем посту, он возглавил террористический поход против трудящихся Италии. Этот обержандарм осмелился даже заявить, что приход демо-христиан к власти означает наступление эры «социальной справедливости». Большее издевательство над итальянским народом трудно себе представить!

Видимо, с позиций все той же «социальной справедливости» де Гаспери — Шельба и ведется сейчас следствие по делу Палланте, единственной целью которого является замести следы и скрыть подлинных виновников злодеяния, а заодно — выгородить и самого преступника.

Только этим можно об'яснить чудовищное по наглости заявление двухнедельного журнала «Сеньо», органа реакционной организации «Католическое действие», который решается во всеуслышание утешать Палланте и, стараясь вселить в него бодрость духа, пишет: «Не тревожьтесь, вас не казнят. Терпеливо несите крест вашего заключения. Все изменится, и в один прекрасный день вы снова увидите свободу». Так могут разговаривать с фашистским преступником только его сообщники, да и то лишь в том случае, если они уверены в своей безнаказанности.

Если ко всему сказанному добавить, что по мере развертывания «следствия» с новой силой разгорается фашистский террор в Сицилии, то общая картина подготовки к слушанию дела Палланте становится ясной!

Как подчеркнул Пальмиро Тольятти в своей статье, напечатанной им в «Унита» уже после выхода из госпиталя, «в засаде притаились силы, подготовляющие полное уничтожение вновь завоеванной свободы, силы, стремящиеся толкнуть страну на путь преступных военных авантюр и служения иностранным империалистам». Одним из «укрытий» для этих сил, находящихся сейчас в «засаде», несомненно послужит зал суда, куда приведут преступника Палланте.

Не случайно, однако, итальянский народ ответил на выстрелы в Тольятти движением протеста и героической борьбой, которые по своей стихийной силе и масштабам не имели прецедентов во всей истории Италии. Всеобщая стачка ясно показала, что времена «походов на Рим» минули безвозвратно. И те, кто сейчас усиленно старается посеять «свежий ветер» фашизма, — пожнут всесокрушающую бурю народного гнева!

РИМ.

Густа ФУЧИК

Мечта Юлиуса Фучика

Пять лет назад, 8 сентября 1943 года, фашистские палачи казнили в Берлине Юлиуса Фучика, редактора центрального органа коммунистической партии Чехословакии «Руде право» и журнала «Творба», члена подпольного ЦК компартии, пламенного борца против фашизма, автора бессмертной книги «Репортаж с петлей на шее».

Юлиусу Фучику было 40 лет, когда смерть в образе палача с топором в руках явилась перед ним. Долгие месяцы до того он находился под угрозой смерти. Она не была страшна ему. Он не испугался ее и после того, как ему об'явили смертный приговор. В письме, тайно вынесенном из тюрьмы, он писал мне:

«Ты знаешь, как я любил простор, солнце и ветер, как я хотел быть всем, что в них живет: птицей или кустом, облаком или бродягой. А вместо этого — годы, долгие годы я живу под землей, разделяя участь корней. Невзрачных, пожелтевших корней, об'ятых мраком и тлением и поддерживающих над землей дерево жизни. Никакая буря не выворотит дерево с крепкими корнями. В этом их гордость. И моя тоже. Я не жалею, — ни о чем не жалею. Я выполнил все, что было в моих силах, и радуюсь этому. Но свет, свет я любил, и я хотел расти прямо ввысь и хотел цвести и зреть, как с'едобный плод. Ну, что ж. На дереве же, которое мы держали и удержали, вырастут, расцветут и созреют поколения новых людей, социалистические поколения рабочих, поэтов, а также и критиков и историков литературы, которые, может быть, позднее, но зато лучше сумеют рассказать то, о чем я уже рассказать не смог. Так, быть может, и мои плоды хоть немного нальются сладостью и приобретут законченную форму, хотя на мои горы снег уже никогда не ляжет. Камера 267, 28 марта 1943 года».

Юлиус Фучик не боялся смерти даже тогда, когда она неумолимо на него надвигалась. Последнее свое письмо из берлинской тюрьмы на Плецензее он написал за восемь дней до смерти, то-есть 31 августа 1943 года.

«...Человек, — писал он, — не становится меньше от того, что его укоротят на голову. И мое горячее желание, когда все уже будет кончено, чтобы вы вспоминали обо мне не с грустью, а с такой же радостью, с какой я всегда жил...»

Фашистские злодеи убили Юлиуса Фучика так же хладнокровно, как они убивали миллионы других людей, боровшихся против сил мракобесия и зла.

Борьба против фашизма была последней битвой Юлиуса Фучика. Вся его жизнь — это борьба за свободу человека, против жестокости угнетателей, против косности реакционной мелкой буржуазии, против фальшивой позолоты буржуазной демократии. Жизнь Фучика — это борьба за справедливую оплату труда рабочих, за правду в произведениях художников, за искусство, доступное для широких масс. Юлиус Фучик боролся против войны — за мир, против капитализма — за социализм. Он был боевым журналистом газеты «Руде право» и литературным критиком журнала «Творба». Он учился на произведениях Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Он боролся в рядах компартии Чехословакии.

Любовь к жизни, любовь к людям сделала его борцом. Верный сын своего народа. Фучик знал его горе и страдания, его непобедимую силу и величие. Он боролся вместе с бастовавшими горняками чешского севера, которые хотели жить по-человечески, а капиталистический строй лишал их последних остатков человеческого достоинства. Он боролся за спасение голодающих, чахоточных детей, разутых и раздетых, напрасно ожидающих, что их безработные отцы принесут им кусок хлеба. Он боролся против тех, кто в Духовце, Фривальдове, в Копутах и Радотине стрелял в рабочих, требовавших работы. Он боролся против трестов и синдикатов, которые из года в год получали все большие и большие прибыли. Он боролся против торговцев и помещиков, которые топили в Лабе продовольствие, чтобы поддержать высокие цены на хлеб. Он воевал против свободы обогащения для одних и свободы умирать голодной смертью для других...

Этой борьбой была наполнена журналистская и писательская деятельность Юлиуса Фучика. Как литератор, сотрудничавший в коммунистической печати, он хорошо знал, как дорого обходится правда, которую он говорил народу, правда, которой боятся капиталисты всего мира и которой боялись и капиталисты Чехословакии. Газеты и журналы со статьями Юлиуса Фучика в старой буржуазной Чехословакии конфисковывались, собрания, на которых он выступал, разгонялись. В редакции, где он работал, в квартире, где он жил, не раз происходили полицейские обыски. За статьи и листовки Фучика судили, сажали в тюрьму. В полицейских и жандармских участках, в залах суда он на собственном опыте постиг всю фальшь слов о демократии и гуманизме в капиталистическом обществе.

В 1930 году Юлиус Фучик впервые посетил Советский Союз — страну социализма. То, что он там увидел и пережил, Фучик описал в книге «В стране, где завтра уже означает вчера». Он рассказывал о СССР также в многочисленных статьях, на собраниях. Его слова запали в сердца и умы многих тысяч людей. Он ставил в пример всем трудящимся капиталистических стран, в том числе и старой Чехословакии, жизнь в стране социализма, где простой рабочий стал управлять государством, где плоды его труда пожинаются такими же, как и он, трудящимися.

Юлиус Фучик полюбил советский народ, полюбил строителей Днепрогэса и рабочих Сталинграда, шахтеров Донбасса и колхозников Украины. Он полюбил ленинградские белые ночи и звезды, сияющие над степями Средней Азии. И ранним утром или на закате солнца он любовался величественной красотой Алтая, где ныне одна из вершин носит его имя...

Любовь советского народа к великому Сталину стала любовью Фучика, вера в победу социализма — его верой.

Вернувшись в 1936 году в Чехословакию из своей второй поездки в СССР, Юлиус Фучик писал: «Я прожил в СССР почти два года... Как выросло счастье человека за это время! На моих глазах менялись улицы, росли новые города, богатели колхозы, люди становились другими. Все, что изменялось и росло, изменялось и росло к лучшему. За эти два года прошли целые исторические десятилетия, в течение которых сон становился реальностью. На моих глазах выросло то, за что мы еще боремся и о чем только еще мечтаем. На моих глазах выросло бесклассовое социалистическое общество, вырос социализм из плоти и крови...»

Социалистическая действительность советской страны вошла в плоть и кровь Юлиуса Фучика. Советский Союз был для него непобедимой силой. И в дни войны это наполняло его неукротимой верой в неизбежное поражение фашизма, в победу СССР и сил прогресса. Эта непоколебимая вера, осознание себя частицей великой силы социализма помогли Юлиусу Фучику быть стойким до конца, не отступить ни перед какими испытаниями, презреть смерть.

Дорогой Юлиус, — хочется сказать ему, — мы, живые, убедились в том, насколько обоснованной была твоя вера в победу Советского Союза и в поражение фашизма.

После мая 1945 года, когда нашу страну освободила Советская Армия, после исторической победы чехословацкого народа в февральские дни 1948 года твоя мечта о социализме осуществляется и в Чехословакии.

Вместе с шахтерами ты боролся за справедливую жизнь. Ныне, через пять лет после твоей смерти, в национализированных шахтах Чехословакии трудятся шахтеры-хозяева.

Ты боролся за то, чтобы рабочие не умирали от голода и болезней, вызываемых безработицей. Сейчас в Чехословакии профсоюзам трудящихся принадлежат санатории, курорты и особняки капиталистов.

Ты боролся вместе с рабочими за право на труд и хлеб. Ныне на наших национализированных фабриках и заводах трудятся рабочие-хозяева. У нас нет ни одного безработного, и их никогда больше не будет в Чехословакии — стране планового хозяйства.

Ты боролся за то, чтобы землю получили бедные крестьяне, угнетаемые в старой республике. Ныне помещичья земля поделена между теми, кто на ней работает.

Ты боролся против тех, кто стрелял в безоружных рабочих, когда они просили хлеба. Ныне у нас имеется корпус национальной безопасности, который идет вместе с народом и защищает интересы трудящихся.

Ты боролся против индивидуалистов и эстетов, против искусства, прячущегося от жизни. Ты боролся против гнилого мещанства в литературе и искусстве, боролся за права прогрессивных литераторов, деятелей культуры. И теперь наша народно-демократическая республика выдвигает на важные посты передовых писателей, художников, деятелей культуры, создавая все условия для их роста и свободного творчества. Так осуществляется твоя мечта о том, как «вырастут, расцветут и созреют поколения новых людей, социалистические поколения», которые расскажут о том, о чем ты уже рассказать не смог.

Ты боролся против правительств, враждебных народу. Теперь у нас правительство Национального фронта, правительство народа. Во главе правительства стоит рабочий, и во главе государства стоит рабочий.

Ты боролся за укрепление братской дружбы нашего народа с советским народом, за союз нашей республики с великой советской страной. Ныне мы связаны с СССР вечной дружбой. Братские узы нашей дружбы скреплены кровью, пролитой за наше освобождение героической Советской Армией. Нас связывает теперь любовь и преданность нашего народа Советскому Союзу. У нас теперь общая граница.

В годы гитлеровского террора ты не мог подписывать статьи своим именем. Теперь твоим именем названы улицы, площади, шахты, рабочие дома, коммунистические школы и молодежные бригады. День твоей казни стал в Чехословакии Днем печати. Слава твоя не уменьшилась от того, что фашистский палач умертвил тебя. За то, что ты не пал духом в борьбе, за то, что ты остался верен народу, твой народ назвал тебя своим героем, своим самым доблестным сыном, и ныне имя твое известно всему миру.

Для всех прогрессивных людей мира, готовых защищать и укреплять социализм, для всех прогрессивных писателей, художников, ученых, для революционеров, вынужденных еще бороться в подполье, мощным призывом раздаются твои слова: «Люди, я любил вас. Будьте бдительны!».

ПРАГА.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМЯН.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60 02, информации — К 3-19-30, отдел писем — К 0-62-91, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—02668